

ЛЮДМИЛА РОМАНОВА

Точка Мебиуса

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
МИРАХ. 3 КНИГИ

Людмила Романова

**Точка Мебиуса. Приключения в
параллельных мирах. 3 книги**

«Издательские решения»

Романова Л. П.

Точка Мебиуса. Приключения в параллельных мирах. 3
книги / Л. П. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835127-3

Вместо приятного путешествия на автомобиле компания попадает в переплет, который выбрасывает их в параллельный мир. Вот тут-то и начинаются их удивительные приключения. Выбравшись из одной безысходной ситуации, они тут же попадают в другую. А все потому, что попали в точку Мебиуса, которая соединяет миры. Вот они и перемещаются из одного мира в другой, из одной истории в другую, и каждый раз все дальше от своего, реального мира. Интересно, необычно, но как вернуться?

ISBN 978-5-44-835127-3

© Романова Л. П.
© Издательские решения

Содержание

Ресторан у Крокодила	6
Глава первая	6
Четыре желания	7
Глава вторая	14
Ловец чувств	15
Глава третья	25
Мадлен и Арманд	26
Глава четвертая	31
Мишель и Филипп	32
Глава пятая	39
Приятная компания	40
Глава шестая	46
Приз	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Точка Мебиуса Приключения в параллельных мирах. 3 книги

Людмила Петровна Романова

© Людмила Петровна Романова, 2017

ISBN 978-5-4483-5127-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ресторан у Крокодила

Глава первая

Четыре желания

Автомобиль «Рено» зеленого цвета, за рулем которого сидела рыжеволосая женщина, лет тридцати пяти, проехал по мосту, перекинутому через небольшую речку, на минуту отразившись в медленном ее течении, и свернул на извилистую улицу небольшого французского городка Домбаль.

Мишель, так звали путешественницу, с облегчением вздохнула, наверняка зная, что теперь ей осталось проехать, всего лишь, километра полтора, чтобы путь из Парижа длинной в три часа наконец-то закончился. Миновав китайский ресторан, и здание Мэрии, взглянув мельком на стены старой церкви, и городской сквер, она выехала на улицу Леомон и, аккуратно развернувшись, остановила машину около новенького коттеджа.

Улица Леомон и сама была новенькая. В отличие от центра старого города, где дома стояли на старый манер, стена к стене, а о зеленых палисадниках, расположенных сзади домов, можно было только догадываться, здесь было множество лужаек с густыми пятнами полевых цветов. Эти зеленые островки ждали следующих счастливчиков, а пока к удовольствию новоселов, служили местом для их прогулок. Лужайки приятно оттеняли светлые стены недавно построенных домов, а яркие пятна автомобилей, стоящих возле изгородей, и уже взлелеянные розарии, и цветущие изгороди, прекрасно дополняли всю эту разноцветную палитру. Серая извилистая дорога, заканчивающаяся на горизонте старой фермой, вместе с голубым небом и жужжащими над лугом пчелками, придавали этой части города, очень уютный вид, располагающий к прогулкам, лени и спокойствию. На душе у Мишель, которая всю дорогу думала о том правильно ли она поступила, порвав с Кристианом, от этого чудесного пейзажа вдруг стало как-то легко, и грустные мысли, ехавшие с ней всю эту дорогу, мгновенно растаяли, оставив в сердце лишь неясный свой оттенок.

Колокольчик на двери звякнул нежным аккордом, и Мишель, слегка, удивленная, тем, что ее никто не встречает, вдохнула аромат роз, растущих вдоль дорожки к дому, и прошла внутрь.

– Алло! Я приехала! – сказала она громким голосом и, не увидев никого, подошла к двери спальни сестры.

Сонная дама лет сорока пяти, с трудом подняла свое пышное тело с кровати и встала навстречу гостье.

– Я ждала вас к вечеру, – сказала Полет, лениво подставляя свои щеки для поцелуя. А почему ты одна? – удивилась она, не увидев рядом с сестрой ее жениха.

– Мои планы поменялись, – сказала Мишель, не желая детально объяснять свою размовку с Кристианом, – и я решила, выехать из дома пораньше, одна. Ты не здорова? – спросила она сестру. Лежи, может тебе в чем-то помочь?

– Да нет, я совершенно здорова! Просто я люблю после обеда почитать книгу, ну и засыпаю... – любящим себя голосом, сказала Полет. – Если бы я знала, что ты приедешь раньше. Но, комната твоя готова, так что располагайся, и делай что хочешь, а я пока приведу себя в порядок, а через часик займемся ужином.

– Да нет проблем, – возразила Мишель, я пока разберу чемоданы, приму душ, а потом хотелось бы немного прогуляться по городу. У вас так все зелено, такой воздух, не то, что у нас в Париже. И сегодня такой чудесный день, не хочется сидеть дома, – весело затараторила она. – А где Пьер? – спросила Мишель, взглянув на часы. Я его не видела целую вечность!

– Не знаю, – потягиваясь, сказала Полет, – после обеда ушел прогуляться, но, к ужину вернется точно. Он уже с сегодняшнего дня в отпуске, пусть гуляет. – Пойдем на кухню, я тебе сварю кофе. Ты какой будешь?

– Мне покрепче, и чашечку побольше! Сейчас приду, я только вытащу свои чемоданы, – крикнула Мишель, быстро ушедшая к машине, и так же быстро вернувшаяся с одной из дорожных сумок.

Поставив ее в комнате для гостей, Мишель поспешила на помощь Полет, и взяв у нее поднос с кофе, с удовольствием вышла с ним в сад, где на асфальтированной площадке стоял пластмассовый овальный стол белого цвета с торчащими вверх ножками стульев. Мишель поставила поднос на край стола, и перевернула для себя один стул. Но прежде чем приняться за кофе, она обвела взглядом маленький садик, состоящий из пяти деревьев, грядки с лопухами ревеня, и жирными кочанами салата, и восхитилась на островок малины, щедро усыпанной бордовыми ягодами.

– Рай! – подумала она, скинув туфли и пройдясь босиком по газону. – И, как быстро разрослись маргаритки! – удивилась Мишель, вспомнив, как год назад она принесла сестре маленький кустик цветов. Теперь весь газон пестрел их изящными, розовыми головками.

Отщипнув несколько ягод малины, она вдохнула аромат яблони, склонившейся до земли, от тяжести красных яблок, которых было уже достаточно и на земле под ней, заглянула на соседний участок, где очаровательная сорока расхаживала по дорожке и, наконец, сев за стол и положив ноги на маленькую табуретку, выпила первый глоток.

– До чего же хорошо! – подумала она, ловя солнечные лучи и ароматы сада, так ярко ощущаемые после жизни в большом городе и трехчасовой поездки. – И свобода!

Она почувствовала ее очень ярко. Как будто нитка, связывающая ее с Кристианом лопнула, и теперь она не улавливала ни самобичевания, ни беспокойства, ни жалости, которые как по телефонному проводу, добирались к ней от его души, и шептали слова, которые рождали в ней все те чувства. Сейчас они замолкли, ну, может быть, стали звучать очень тихо, почти неслышно. Возможно, их заглушили эти краски, эти запахи, и еще... предчувствие чего-то нового и приятного.

– Да, да! – Мишель прислушалась и почувствовала, что это «что-то», как летний ветерок летает рядом с ней. – Но что? Может быть, в этом и была прелесть, в этом сокрытом сюрпризе? Это было как в детстве, когда знаешь, что скоро день рождения и обязательно будет подарок от мамы и папы. Ты не знаешь какой, но ждешь его, и представляешь, и главное, знаешь, что он точно будет!

Сейчас, ощущение было такое же. Мишель взглянула на облачка, проплывающие по небу, и удивилась, что они образовывали совершенно определенную картинку. Это был портрет мужчины, глядящий на нее вниз. У него были кудрявые волосы и чуть удлиненное лицо. Губы его раскрылись, как будто хотели ей, что-то сказать.

– Что? – подумала Мишель, и мужчина как бы услышав ее вопрос, беззвучно пошевелил губами, но вместе с этим картина начала меняться и из портрета молодого мужчины, вдруг возникло совсем другое лицо. Облака плыли медленно, и волосы молодого человека, расплзлись в стороны, губы превратились в усы, подбородок уплотнился и стал острым, мужчина раскрыл рот и засмеялся, показав один зуб на всем пространстве рта.

– Как интересно, – подумала Мишель, в Париже я никогда не видела таких откровенных картин. Так, белая вата разных размеров, какие-то неясные фигуры, но сейчас это почти что бело-голубая фотография – метаморфоза.

– Полет, ты где? Что новенького в Домбале? – позвала она сестру, которая наконец-то плавно появилась в дверях с сигаретой, и посмотрела в небо, куда уставилась Мишель.

– Что ты там увидела? – спросила она.

– Посмотри, какие картины получаются из облаков! – воскликнула Мишель, увидев, что смеющийся мужчина уже превратился в корабль с парусами. Только что это было лицо, а теперь? Ой, теперь дама в бальном платье...

Мишель еще смотрела на облака, но, Полет, ничего не увидев, махнула рукой и села на скамейку, продолжая курить.

– А что у вас с Кристианом? – вдруг услышала Мишель вопрос сестры.

– Мы расстались, – как можно беззаботнее и веселее ответила Мишель, и, поставив чашку на столик, снова пошла к яблоне, босиком по мягкому газону.

– Та-ак, – погасила сигарету Полет, и на правах старшей сестры, строго взглянула на Мишель. Почему? Мне он казался таким, милым... Я думала, мы поедем в путешествие вчетвером. И Пьер уже рассчитывал на мужскую компанию.

– Я его не люблю. Меня в нем все раздражает. А если так, то зачем? – ответила сестра поморщившись.

– Вдруг сегодня с утра ты это поняла! Ведь еще вчера вечером ты мне не говорила об этом ни слова! – возмутилась Полет. – Смотри, пробросаешься! Алекс, потом Кристиан. Думаешь, они останутся одни? Ха-ха! Не останутся! Быстро какая-нибудь подцепит, а ты потом локти кусать будешь. Вот увидишь! – Полет нервно сбросила пепел с сигареты.

– Я так решила, что будет, то и будет! – Мишель снова вернулась за стол. – Александр не любил меня, а Кристиана не любила я, – уже грустно усмехнулась Мишель. – Хочется гармонии. А ее нет!

– Ты думаешь, всю жизнь будешь вот так купаться в кавалерах? – посмотрела на нее Полет. Еще лет пять, потом постареешь, потолстеешь, и они будут заглядываться на молоденьких! И принц, о котором ты мечтаешь, тоже! Пусть Кристиан не идеал, но тебя любит, а для жизни это лучше.

Колокольчик в дверях снова звякнул.

– О моя дорогая, – Пьер, войдя в дом, поцеловал в лоб Полет, и с раскрытыми руками для объятий подошел к Мишель. Бонжур, ма шер, – поцеловал он ее в щеки. Все хорошо? Где Кристиан? – оглянулся он, надеясь, увидеть друга Мишель.

– Она приехала одна, – ответила за нее Полет, – они поссорились. – Где ты был? – строго спросила она мужа, держа в руках пепельницу и собираясь пройти в кухню, для приготовления ужина, время которого уже приближалось.

– Прошелся к церкви. Потом встретил Сержа, поговорил, выпили с ним чашечку кофе на углу улицы Генерала, продул в лото, потом навестил мать. Так, все как всегда... – послушно излагал детали своего отсутствия Пьер.

Полет, серьезно слушавшая мужа, как учитель школьника, осталась довольна объяснением. Она взяла оставшиеся от прогулки карманные деньги Пьера и положила их в коробочку на комод.

Мишель смотрела на сестру, в тайне удивлялась, как эта квадратная толстушка, может командовать и держать в узде такого симпатичного мужчину как Пьер.

– Что это? Демонстрация своего превосходства передо мной, или она стала настолько нудной? – думала Мишель, неприятно пораженная такой унижительной для Пьера сценой. Она отметила, что сейчас он выглядит моложе ее сестры. Голубые глаза, розовые щеки, милые усы, и еще бравая выправка жандарма.

– Да из него просто лезет желание жить и получать удовольствия. Такой, днем спать не будет! – подумала Мишель. – А Полет!? – подумала она. Так располнела, совершенно не следит за собой. Но такое впечатление, что Пьер не замечает этих изменений? Чтобы терпеть такое при посторонних, нужно или обожать жену, или быть тряпкой, или... хорошим артистом!

Пьер, достойно отчитавшись, достал из холодильника бутылку пива и налив его в красивый бокал, выпил одним залпом. Сцена допроса совершенно не вывела его из себя. И отчет в этих мелких тратах тоже.

– Ты нам приготовишь на десерт торт с яблоками, мой разбойник? – безмятежно спросил он жену, подмигивая Мишель. – Полет готовит прекрасный торт! Мама его тоже очень любит, кстати она придет сегодня к ужину, я пригласил ее, чтобы мы вместе обсудили нашу поездку.

– Идите в сад, не мешайтесь, через минут сорок все будет готово, – не улыбнувшись, на лесть, хозяйским голосом ответила Полет. Она вышла в кладовую и принесла яблоки, для приготовления своего знаменитого торта.

В общем-то, это был обычный покупной кусок слоеного теста, на который Полет клала мелко нарезанные яблоки, присыпанные сахарной пудрой, и запекала в печке. Мишель прекрасно знала это, и улыbnулась в душе, на похвалы Пьера и на его наивность в оценке кулинарных способностей Полет.

– Я бы для гостей приготовила пирог по своему рецепту! – подумала она, но ничего не сказала вслух, и лишь только сделала вид, что тоже мечтает об этом пироге.

– Мадлен! – воскликнула Мишель, увидев в окно кухни приближающуюся к дому мать Пьера, понимая, что теперь вырваться из дома на маленькую прогулку в счет оставшихся минут до ужина, не удастся.

– Ух! – сказала та, войдя в дверь дома, под звон колокольчика. – От вас хорошо уходить, потому, что идешь под горку, а к вам, ух!

– Почему ты не позвонила, Пьер подъехал бы за тобой на машине, – сказала Полет, расставляя на стол тарелки.

– А! Я люблю прогуляться, – махнула рукой Мадлен. Вот буду совсем старая, тогда будете за мной приезжать, а пока я еще ничего.

Она поцеловала в щеки Мишель, и, осведомившись о здоровье ее матери, присела на стул около кухонного стола.

– Вы прекрасно выглядите Мадлен, – польстила Мишель, с улыбкой глядя на ее жидкие кудряшки, сквозь которые просвечивало солнце. – Одуванчик, божий одуванчик, – посмеялась она в душе над этой картиной. Дунет ветер и...

– Мне уже семьдесят пять! – вздохнула Мадлен.

– Вам не дашь больше шестидесяти, снова соврала Мишель. Я думаю, кавалеры на вас еще смотрят? – улыbnулась она.

– Пусть смотрят! – воскликнула Мадлен, ничуть не удивившись, на такую фразу Мишель. – Нет, нет и нет! – петушиным голосом возмутилась она. Для меня существовал только мой Арманд. И я ему не хочу изменять даже после его смерти. А если бы хотела, ух! И мосье Гранде и мосье Муруа... – махнула рукой Мадлен, все же кокетливо, закатив глаза.

– Да, Арманд был прекрасный человек! И он вас так любил, – постаралась поддакнуть Мишель.

– Любил, – вздохнула Мадлен, и сейчас мне его очень не хватает. Вы знаете, он в молодости был настолько хорош! Я так была в него влюблена, но, и он конечно. А сегодня он мне приснился! Сижу, я как будто в своей комнате, и вдруг дверь открывается и входит Арманд, и такой веселый. Пойдем, – говорит, – я тебе кое-что покажу. Я встала, хотела за ним пойти, а он и исчез. Уж и не знаю к чему это?

– Да ни к чему, – сказала Полет, ставя в духовку торт. Мало ли что снится.

– Говорят это к смерти, – вздохнула Мадлен, и сделала лицо, которое должно было вызвать страх и жалость к такой ее участи. – Когда зовут, то это очень плохо.

– Да нет, это все глупости! – заявил Пьер. – Кто может звать, если их уже давно нет. Я в приведения и тот свет не верю! Так, сказки для мадам! – Пьер включил телевизор, стоящий в кухне, потому что приближалось время его любимой передачи, «Вспомни и спой»

– А ты еще не вышла замуж? Все одна? – спросила Мадлен, посмотрев из-под очков на Мишель, немного обиженная, что ее слова не вызвали сострадания.

От этого вопроса у Мишель неприятно екнуло в сердце.

– Да, не попадается тот, которого бы мне хотелось, – сказала Мишель, понимая, что эта фраза звучит не убедительно. А просто так я не хочу, просто так мне и одной хорошо. У меня есть Анжелина и мама...

– Ты еще молодая, тебе, зачем одной оставаться, – возмутилась Мадлен, снова перейдя на петушиный тон. Неужели нет никого хорошего рядом?!

– Ждем принца, – сказала Полет, приступая к салату, и проворачивая его в сушилке.

– Принца! Ну, тогда я тоже принца ждать буду, – засмеялась Мадлен. Тебе молодой, а мне старый. А больше, никого не хочу. Только где же их взять? А? – посмотрела она на Пьера.

– Вот как раз в тех замках, в которые мы будем заходить во время поездки, – засмеялся Пьер. В Бельгии их прудом пруди.

– Да какие же сейчас в этих замках принцы, если только приведения. Ух, нет, не хочу! Нет, нет и нет! – замахала руками Мадлен, представив костлявое приведение в паутинном плаще. – Если бы я чего и хотела, то только чтобы мой Арманд был жив, увидеть бы его, поговорить еще раз, поцеловать, только это не возможно, разве только во сне. Хоть бы вы внука родили, чтобы назвать его в честь деда!

– Ну, тогда будем искать принца для Мишель, – театрально засмеялся Пьер, стараясь перевести тему, увидев, что на кухню входит Полет, на минутку, ушедшая в кладовку за фруктами..

– Пьер, когда вы думаете ехать? – спросила Мадлен, также, не желая переводить эту тему в неприятный разговор.

– Я думаю, поедем уже завтра, часов в шесть утра, если всех все устраивает, – обратился он к Мишель и Мадлен. – Полет предложила объехать Бельгию, – подчеркивая значимость ее желания, сказал Пьер, Мец, Шарлеруа, Монс, Шармюр,... – а на обратном пути захватить Германию, Люксембург. Пойдемте в гостиную, я вам покажу наш маршрут. Наш приятель Поль, недавно вернулся из этих мест, и так восторгался старыми замками. 12, 13 век! Стены – во! А какие закоулки и подземелья! И потом, там такое пиво! – ухмыльнулся он.

– А, мне все равно, везете и ладно. Мне все интересно, – сказала, махнув рукой Мадлен. – Вы сами решайте, а я как вы. А вещи приготовить пара пустяков!

Она взяла предложенный ей бокал с мартини, аккуратно пригубила его, поправив очки, и вышла в сад посмотреть на урожай, выращенный Пьером.

– Уходи отсюда, уходи, – услышали Мишель и Пьер голос Мадлен.

– Кого ты там гоняешь, – спросил Пьер, выходя в сад. – А! – увидел он черного кота, и подняв камешек бросил в него.

Кот, посмотрев удивленно и обиженно на Пьера, перебежал поближе к забору соседей, и, не рассчитывая на продолжение гонения, спокойно пошел дальше.

Пьер подхватил еще один камешек.

– Он сам уйдет, – схватила его за руку Мишель. Это же домашний кот...

– Нет! Пьер с омерзением бросил еще один. – Домашний пусть сидит дома, – сказал он и сделал устрашающий звук. Ненавижу котов!

Кот еще более удивленно посмотрел на Пьера, и в два прыжка перебежав дорогу, поплелся, больше не оглядываясь на него.

Кот, наверное, очень старый, – постаралась разжалобить Мишель Пьера, который поднял еще один камешек.

– Нечего им здесь шлаться, – сказала, вышедшая на улицу, Полет. Грядки портят, и заразу разносят.

Мишель вздохнула, увидев, что кот все-таки ушел от своего преследователя, и, удивившись, на такую слаженную ненависть к такому милому существу, не сделавшего ничего плохого. Ей была неприятна эта сцена, но она была в гостях, и портить вечер ей не хотелось.

– У нас есть немного времени до ужина, давай составим маршрут, – подозвал Пьер Мишель. – Садись и пиши, а я буду смотреть по карте, как нам лучше, проехать в Бельгию. Не хочется ехать по большим магистралям. Выберем тихие дороги. Согласна?

– Вот здесь, потом сюда, – показывал пальцем Пьер места на карте, называя их названия.

Рука Пьера, как бы, не нарочно, касалась руки Мишель, а его плечо было совсем рядом с ее спиной. Ток легкой волной прошелся где-то рядом с сердцем Мишель, и она вдруг ощутила забытое чувство, возникающее от присутствия рядом любимого человека, которого у нее так и не возникло за время общения с Кристианом. Взглянув на источник волнения, Мишель увидела спокойное лицо Пьера, которое не выражало никакой дополнительной заинтересованности в ней, и тем более, желания пропустить этот ток через Мишель.

– Вот, дурра! – подумала Мишель, постаравшись отрубить эту ниточку электричества. Она отодвинулась на всякий случай от Пьера и села на стул, продолжая писать название города. – Шимей... – повторила она. – И все же, так хочется влюбиться! – подумала Мишель. – Но, конечно, не в мужа сестры! Если бы такие волны пробегали между мной и Кристианом! Но, увы!

Пьер, отложил карту, и, махнув Мишель, знаком, что он сейчас придет, вышел на кухню, и вернулся через минуту с двумя бокалами. Один с коктейлем он протянул Мишель. Второй с виски, поставил на стол рядом с картой для себя.

– И так на чем мы остановились? – спросил он, подойдя сзади к Мишель, поставив перед ней бокал, и заглядывая на исписанный листок.

Мурашки прошли по голове Мишель, Пьер снова стоял слишком близко, и хотя он не делал никаких лишних и не позволительных жестов, она почувствовала, как теперь уже горячая волна прошла по всему ее телу. Щеки ее запылали. Мишель со страхом посмотрела на дверь в сад, за которой была Мадлен, гуляющая по саду, потом на дверь, за которой Полет готовила ужин. Они обе могли войти сюда в любую минуту! А ей казалось, что все те чувства, которые в ней бушевали сейчас, будут совершенно очевидны всем окружающим.

– И почему они возникли? Отчего? Эта волна возникла совершенно без моего желания. Неужели, просто оттого, что со мной рядом стоял мужчина? – спросила она сама себя.

– Идите, все готово! – услышали они голос Полет.

– Идем, – вздохнула с облегчением Мишель, и встав со стула, постаралась пройти на кухню, отдалившись от Пьера, как того позволяла обстановка комнаты. Ей показалось, что по лицу Пьера пробежала легкая улыбка.

Приняв душ, свежий и ароматный, завернутый в махровый халат, Пьер зашел на кухню, где с чашкой чая сидели Мишель и Полет. Поцеловав в лоб жену, он послал воздушный поцелуй Мишель, пока этого не видела Полет, и удалился в свою спальню.

Близость Мишель сегодня привела его в приподнятое состояние духа. К Полет он не чувствовал такого и раньше, а сестричка! И главное, почему он понял это только сегодня? Какие волосы, какие ноги! А заводит, даже оттого, что стоишь с ней рядом?! А если подблизиться еще ближе? – Пьер даже глаза закрыл от набежавших на него картин.

– Вот если бы соединить красоту Мишель, страсть Жанет, и молодость Франсуазы! А еще лучше, если он будет один среди них троих! – Пьер даже вздрогнул, представив себе эту картину. Он вознес глаза к небу, сложив руки, – Если бы хоть раз! А может быть и не раз!

Пьер вздохнул, понимая, что его фантазии рискуют остаться только мечтами, обреченно повернулся к стенке и заснул. Да, пожалуй, чего он хотел очень, так это такой многоликой страсти.

– А вы разве спите в разных комнатах? – удивилась Мишель, пройдя в спальню сестры, где та просматривала последний раз свои дорожные сумки.

– Уже давно, – спокойно сказала Полет.

– Да? – робко и вопросительно сказала Мишель, обдумывая события сегодняшнего вечера. А ты не боишься, что в таком случае у него может появиться другая женщина?

– А ты думаешь, что у него их еще не было? – усмехнулась Полет. – Я делаю вид, что ничего не замечаю, он делает вид, что ничего нет. Всем хорошо. Из дома не уйдет, а если попробует, то расстанется со многим, а это ему не нужно. Уж я – то его знаю!

– Ты так спокойно об этом говоришь! – удивилась Мишель.

– Он такой не один. Ты видела хоть одного верного мужчину? Назови, – серьезно возразила Полет. – Побесится, побесится и остановится. Такой у них переломный момент. Много хочется, да мало может, вот и придумывают себе разные приключения. А надолго их хватает?

– Да... – согласилась Мишель, вспоминая свои неудачные романы. – Они всегда возвращаются в семью...

– Вот, вот! – подтвердила Полет. – Раньше я тоже возмущалась, устраивала скандалы. Теперь поняла, надо быть хитрее. Делай вид, что ничего нет, тебе же и спокойней.

Полет вспомнила как года два назад, она устроила скандал Пьеру и уехала к маме. – Ну и что! Он жил в свое удовольствие, а она? Играла роль брошенной жены! Ну, уж нет! Пусть будет иллюзия крепкого брака, чем никому не нужная правда о брошенной мадам. Пьер играет свою роль превосходно. И в глазах окружающих это идеальный муж, у которого над головой вот – вот засветится нимб.

Глава вторая

Ловец чувств

Машина мчалась по местности, с примитивными распаханными полями, лиственными лесами и неприметными селениями. Прошел час, но пока ничего сверхъестественного путешественникам на пути не встретилось. Мишель уже пожалела, что не возразила против такого маршрута. Север Франции, за исключением парочки пейзажей и двух трех симпатичных городков, пока что не удивлял. Рядом с ней сидела Полет, она следила за дорогой и подсказывала Пьеру, где свернуть и к какому следующему пункту нужно держать курс. Мадлен, утонула в переднем сидении, так, что виднелась только своей макушкой, и Мишель видела в зеркальце, как в нем отражались ее огромные очки и закрытые глаза. Мадлен сосала конфетку, и дремала.

Мишель эта неинтересная езда уже утомила. Поэтому она обрадовалась, когда Пьер, подъезжая к какому-то городку, появившемуся из-за поворота шпилем собора и старыми часами на городской башне, сказал, – Половина двенадцатого. Пора искать ресторан и идти обедать.

Он свернул на извилистую дорогу, ведущую к городу и, вдруг увидел, как на них по встречной полосе идет огромный грузовик. В сердце Пьера похолодело.

– Влево! Услышал он крик Полет, – и резко вывернув руль влево, увидел как пыль, поднятая грузовиком, и его резким поворотом, закрыли лобовое стекло.

Пьер сделал еще один поворот вправо, вслепую, рассчитав, что грузовик уже должен быть позади, и нужно вернуться на исходную полосу, как можно быстрее, пока навстречу не выехали другие машины. Автомобиль дернуло, и сидящие в нем на минуту потеряли приятие земли. Но, невесомость быстро кончилась. Через несколько секунд пыль, закрывавшая обзор в окне автомобиля опустилась на землю, и солнце яркими лучами подбодрило их.

Пьер вылез из машины и обернулся в сторону промчавшегося грузовика. Казалось, облако пыли, улетело вслед за ним, потому что дорога в ту сторону не просматривалась. Пыль стояла стеной, и только гулкий, мощный, но какой-то замедленный звук, и такие же нескончаемо длинные сигналы полицейской машины и медицинской помощи, раздавались вдали.

– Вот, придурок! – подумал уже спокойно Пьер. – Все-таки вляпался! С какой же скоростью он ехал, если поднял такой столб?! Чуть не испортил нам поездку!

Он представил, как они разбиваются в лепешку, а потом лежат на кроватях госпиталя с подвешенными руками и ногами.

– Да хорошенькое начало! – подумал он. Но, испытал облегчение, что не нужно ехать на место аварии, чтобы помочь пострадавшим. – Полиция и медицина уже там, так что обойдутся без лишних зевак, – решил он. Таких проблем ему хватало и на работе! Он был жандарм.

– Ух! – сказала Мадлен, – а, чегой-то мы так подскочили? Ты чего Пьер, машину водить разучился? – посмотрела она осуждающе на сына, в открытую дверцу. У меня прямо душа из тела выпрыгнула.

Полет и Мишель, придя в себя, посмотрели на Мадлен, на ее возмущенно-наивный вид, и из них вырвался такой хохот, который они не могли остановить.

– Мемер, ты что, ничего не видела? – удивленно спросили они, подозревая Мадлен в игре.

– А что было, чего я должна была увидеть? – также удивленно надула щеки Мадлен. – Вы чего, надо мной смеетесь? Ну и смейтесь, мне тоже весело от этого. Она открыла дверцу и стала медленно вылезать из машины. – Я хочу пи-пи! – сказала она, и шаркая ногами пошла вдоль дороги к кустам.

– Все! – сказал Пьер, потирая руками голову, нужно отдохнуть и все переварить. У меня руки трясутся. Я за руль теперь минут двадцать сесть не смогу.

– А я перекурю, – сказала Полет, вылезая из машины и закулив сигарету, стала прогуливаться вокруг машины, поглядывая на придорожный пейзаж.

– Какое свежее утро! – сказала Мишель, выбравшись из машины, подставляя руки солнцу. И какие красивые цветы! – удивилась она, увидев, издали куст сиреневых цветов, которые были ей не знакомы.

Подышав воздухом и успокоившись, к общему удивлению очень быстро, все с хорошим настроением снова сели в машину. Пьер взглянул на дорогу и с удовольствием увидел, что она совершенно пуста.

– Спешить не будем, – сказал он. Посмотрим сначала на вывески и меню.

Съехав по пологому спуску, в направлении виднеющегося шпиля церкви, и обратив внимание на стрелки часов городской башни, через минуту они уже были в центре городка.

– Похоже, здесь не стоит останавливаться, – обернулся Пьер к Полет, подъехав к маленькому невзрачному ресторанчику возле площади и через окно автомобиля, прикинув содержимое меню. – Проедем дальше, или рискнем пообедать здесь? – снова задал он вопрос, полагаясь на их выбор.

– Давай выйдем, если не понравится, пробежимся по городу и быстренько вернемся в машину, – предложила Мишель, оглянувшись на Полет и Мадлен. Ей, не в пример Полет, не терпелось прогуляться, вдохнуть свежего воздуха, и просто так послоняться по местным достопримечательностям.

Маленькая площадь, по своим размерам под стать городку, была окружена зданием мэрии, старым собором, зданием туристической компании и тремя ресторанчиками. В конце небольшой улицы виднелась зеленая стена, холмов, с остатками старой крепости, на их вершинах, угадывалась бегущая вверх лестница и углубления старых дзотов.

– Не густо, – вздохнул Пьер. – Но, ничего, в крайнем случае, посидим недолго хотя бы вон там, – махнул он в сторону более привлекательного ресторана, и попробуем бельгийского пива, это ведь уже Бельгия, – повернулся он к жене. А пообедаем в другом месте.

Полет, выйдя из машины, закурила сигарету, и стоя возле нее, переговаривалась с Мишель, пока Мадлен разминала ноги, ходя туда-сюда по тротуару. Пьер, прошелся к окошkam, с выставленными меню, и, задержавшись возле одной вывески, стал изучать цены, остальные подошли к нему через пару минут.

– Ну как? – спросили они, разглядывая предлагающиеся здесь блюда.

– А! – скривил физиономию Пьер. Ничего приличного. Пошли к старой крепости.

Ассортимент был не большой и не вызвал интереса и других путешественников. Медленной походкой, разглядывая редкие вывески и архитектуру домов, они прошли до конца пустынной улицы и, перейдя дорогу, ближе к крепости, огляделись вокруг. Эта точка уже определяла конечную часть города, который находился внутри кольца крепостных стен. Теперь, старая крепость угадывалась лишь идущим вокруг города зеленым холмом, заросшим густой травой, с протоптанной на нем тропинкой.

Несколько возвышений, разнообразили пейзаж, и каменные лестницы, спускающиеся с зеленой стены вниз к некогда бывшим помещениям, представляли единственное развлечение в прогулке по стене. Все четверо стояли прямо перед крутой каменной лестницей, которая вела к дорожке вдоль старинного укрепления.

– Вы идите, я постою здесь, – сказала Мадлен. Чего там смотреть, какие-то погреба!

– Я пока покурю, – сказала Полет на вопросительный взгляд мужа. Отсюда все видно и так.

– А мне интересно! – воскликнула Мишель. Я пойду, посмотрю, как там все выглядит сверху.

Мишель быстро поднялась вверх по ступенькам и, изучая доступные для осмотра древние укрепления, зашла в одно из углублений, в котором стены и пол были сделаны из камня, и где еще угадывались остатки металлических решеток. Пьер поспешил за ней. И как только, они оказались в зоне, не доступной взгляду Полет и Мадлен, он быстро притянул Мишель к себе и впился поцелуем в ее губы. Руки его быстро скользнули по ее спине и, жестко прижали ее гибкое тело к себе.

– Полет! – в ужасе, прошептала Мишель, вырвавшись из его объятий и оглядываясь на вход в грот. Она поправила волосы, и кофточку, чувствуя, как ее щеки, быстро краснеют, и от страха, что эту сцену увидит сестра и от страсти, которую поцелуй Пьера, быстро зажег в ней.

– Нет! – сказал тихо Пьер, подняв брови, она не пойдет сюда! Пешком она теперь не ходит дальше нашего сада. Машина, диван, телевизор. Все! Ее никуда не вытащишь! Она совсем обленилась.

Пьер снова страстно поцеловал Мишель, как будто уже имел на это право, и с беспечным видом, как будто ничего не произошло, вышел из блиндажа, немного вздрогнув оттого, что из соседнего на него смотрели чьи-то глаза.

– Надеюсь это не жена, для нее слишком шустро, – подумал он, немного испугавшись, и не привыкший оставлять что-то недосказанным, прошел вглубь второго грота.

Этот грот был гораздо глубже, и в нем не сразу можно было разглядеть дальнюю стену, окутанную черным полумраком.

– Бонжур мосье, – услышал он дребезжащий голос и увидел, что прямо из дальнего угла на него выходит глубокий старик, с блуждающей на его лице довольно странной улыбкой.

– Бонжур мосье! – ответил Пьер, стараясь уловить, по взгляду старика, что же тот мог видеть, из недавней сцены его посягательств на Мишель.

Но определив на глаз его возраст, который выдавала неуверенная походка, приподнятый воротник на сутулом теле, сморщенные руки, опирающиеся на палку и подслеповатые глаза, он успокоился и стал смелее.

– Осматриваете крепость? – спросил старик дребезжащим голосом, продолжая улыбаться Пьеру. – Ей уже около тысячи лет! Ее стены видели и рыцарские походы, и славные турниры. А несколько веков назад вон в том здании, – старик показал на крышу одного из домов, был госпиталь для офицеров, в котором бывал и сам Наполеон! Это во время сражения под Аустерлицем! Да! Древнейшие места! – повторил старик, повертевшись на одном месте, чтобы охватить взором большую часть города. Сейчас это только развалины, а раньше! Раньше здесь кипела жизнь, сколько интересных людей здесь можно было встретить, какие страсти, поступки, судьбы! А какие дамы... ради которых сражались, умирали и делали глупости... – при этих словах старик, как показалось Пьеру ехидно взглянул в его глаза, слишком близко приблизившись к его лицу, как это бывает с людьми плохо видящими.

Пьер, с трудом сдержавшийся, чтобы не отпрянуть, сделал безразличное лицо, как будто не понял намеков старика, решил, что тот подошел, благодаря возрасту, к стадии небольшого маразма, и поэтому путает уже и быль, и небыль, и поддакнул для вежливости.

– Да, да! Интересно! Вы живете в этом городе? – спросил он, немного отклонившись назад.

– Почти, не далеко от него, – ответил старик, махнув в сторону кладбища.

– Так, может быть, вы подскажете, где здесь можно хорошо пообедать? – спросил Пьер, стараясь перевести разговор в другое русло.

– Вас четверо, если я не ошибаюсь, – спросил старик, снова улыбнувшись, и как бы, изучая лицо Пьера. – Та мадам внизу, вероятно, ваша жена? Она очаровательна, обожаю

толстущек. Хотя мне сейчас уже не прилично думать о женщинах, – хихикнул старик. – Я-то уже для них не интересен.

– Ну, что вы, мосье, – подбодрил его Пьер. На вас, еще, и молоденькие смотреть могут.

– Побольше хороших эмоций, и возможно, что ваши слова окажутся правдой, – улыбнулся старик, расправив спину и опустив воротник. – Но пока что такие страсти для вас, в вас-то они еще бушуют! – усмехнулся он, и фамильярно похлопал Пьера по спине.

Пьер удивился, почему он позволяет старику продолжать этот пикантный разговор.

– Наверное, скидка идет на возраст, – подумал он, ничуть не рассердившись. – Что остается такому деду, только воспоминания, иллюзии, да интерес к чужим интрижкам

Он представил сам себя лет, этак, через сорок! Себя с жидкими седыми волосенками, с отвалившейся челюстью, костлявым телом и непременно в кресле каталке, которую возит молоденькая медичка в коротком халатике, из-под которого, непременно выглядывает соблазнительное молодое тело. И, которая, для того, чтобы подбодрить его древнего, уверяет, что он еще очень симпатичен... Ему стало не страшно, а смешно, потому, что это должно было произойти еще совсем не скоро, и вообще не с ним, и оправдал поведение старика.

К тому же разговор с этим человеком, который уже немного затянулся, был прекрасным оправданием и плавным переходом от его желаний к действительности, от прелестей Мишель, к строгому взгляду Полет. Наперед, зная предстоящий допрос Полет, почему он так долго отсутствовал, он теперь мог с невинным видом, объяснять жене, что задержался на крепостной стене, потому что долго разговаривал с одним приятным стариканом.

Пьер вышел из блиндажа, а Мишель судорожно просчитывая, сколько же минут длилась эта сцена, вздохнула и с облегчением и с разочарованием, потому что страсть Пьера против ее желания заглохла в ней ответную. Ей уже хотелось продолжения поцелуев...

– Нет. Нет! – сказала она сама себе, быстро представив весь этот кошмар, если все станет известно Полет. – Это предательство!

Мишель еще раз приняла ко вниманию все признаки, которые могли раскрыть их с Пьером секрет перед сестрой, и в первую очередь постаралась охладить свои щеки. Ветерок, который пробегался по развалинам, должен был помочь ей в этом. Выйдя из грота, она махнула рукой сестре и Мадлен, стоявшим внизу, и сделала вид, что решила немного пройтись по дорожке, сохранившейся на стене крепости. Ветер сделал свое дело, и через пять минут она решила, что теперь можно спуститься, к ожидавшим ее, без опасений. А через минут пять к ним спустился и Пьер.

– Прошелся по крепостной стене, – доложил он Полет, не ожидая, когда она первой задаст вопрос. – Я бы прогулялся по всей ленте, но, как сказал мне старый мосье, которого я встретил там наверху, эта крепость тянется на пять километров по кругу, и такая прогулка займет около часа, в лучшем случае. Если хотите, мы можем прогуляться по ней вместе, – сказал Пьер, прекрасно зная ответ.

– Нет, нет, поедem искать ресторан, – возразили Полет и Мадлен в один голос. Они обе не испытывали потребности к перебежкам по склонам.

– Мосье сказал мне, что километрах в двадцати, рядом с промышленным центром, сегодня открытие ресторана с интересным названием «У крокодила»! – с готовностью сказал Пьер. – Его сын поступил туда на работу и уже порассказал о ресторане много хорошего. К тому же, в день открытия будут скидки и всякие другие развлекательные мероприятия для привлечения посетителей. Я думаю, стоит посмотреть...

– Интересно! – воскликнула Мишель. Открытие всегда обещает наилучший прием, это же реклама! Я уже хочу в этот ресторан, – захлопала она в ладоши. – А почему «У Крокодила»? Может быть, там дают блюда из него? Есть крокодила, я не собираюсь!

– А может быть это фамилия хозяина? – глубокомысленно сказала Мадлен. – Мосье Крокодил...

– А когда ты успел переговорить с прохожим? – удивилась Полет. Мне показалось, что нам никто не встретился по пути. Город словно вымер.

– Я встретил этого пожилого мужчину в одном из гротов. Я, даже, сначала не заметил его, потому что он стоял в темном углу и изучал надпись. Представляете, скрюченный старикашка, выходящий из темноты! – сделал он страшное лицо. – Я даже вздрогнул! Но, потом мы разговорились, и он оказался очень приятным собеседником, потому что, очень интересно рассказал мне о крепости и, вдобавок, посоветовал этот ресторан. Потом он пошел совершать прогулку по периметру крепости, возможно, вам и не видно было, потому что там идет спуск вниз... – Да вон он, – показал Пьер в сторону дальней стены. – Видите маленькую фигурку мужчины, это он. Как быстро он одолел такое расстояние! – удивился Пьер, прикинув прошедшее время. – На вид ему было лет восемьдесят с лишним!

– Да нет! Лет семьдесят пять, – возразила Мишель, он и со мной успел поговорить, пока я разглядывала город сверху.

Маленькая фигурка старичка, казалось, увидела и услышала говорящих о нем людей и помахала им рукой. Пьер махнул тоже, а за ним и остальные.

– Симпатичный мосье, – добавил Пьер. – Мадлен, жалко тебя там не было, вот тебе и принц из замка, – засмеялся он, подмигивая Мишель и Полет.

– И он говоришь, симпатичный, тебе понравился? – сделала заинтересованный вид Мадлен. – Почему ты не пригласил его поехать в ресторан с нами? Теперь я осталась без жениха! – топнула она ногой, нахмутив брови.

Все засмеялась и Мадлен заулыбалась тоже. – Смейтесь, смейтесь. Вам весело и мне приятно! – сказала она.

Через двадцать минут, поплутав на автомобиле по дорожкам, ведущим мимо многочисленных магазинов торгового центра, недалеко от здания зала обуви, они, наконец-то, увидели вывеску – «У КРОКОДИЛА»

Вывеска висела над площадкой, к которой не было лестницы. Ее ограничивал металлический парапет, и сквозь его ажур виднелись круглые столики, пальмы в кадках и отсутствие людей. Площадка была накрыта полукруглой крышей, которая уходила вглубь пространства.

– Ничего особенного, – подумала Полет, разглядывая нехитрый дизайн ресторана. Чем они собираются завоевывать посетителей?

– В любом случае остаемся здесь. Я уже голодный как волк, – возразил Пьер, видя недовольные лица женщин. Интерьер не всегда соответствует качеству кухни. Помнишь как под Штрутоф? – обратился Пьер к Мадлен.

– Да, – согласились Полет и Мадлен, вспоминая курицу «По-эльзаски», в неприметном маленьком ресторанчике, куда они и заехали-то совсем случайно.

Немного разочаровавшись, но, надеясь на лучшее, они свернули за угол площадки и увидели, что с другой стороны, ресторан представлял собой старый поезд, возглавляемый черным паровозом. Он стоял на рельсах, и широкая лестница вела к платформе, у которой состав, казалось, остановился. Настроение у дам поднялось, при виде такого необычного решения. Старый вокзал, стук колес, всегда наводили душу в приятное, сентиментальное и романтическое состояние, будь то воспоминания, ожидание путешествия или сама поездка.

– Двадцать евро, шведский стол, – прочел Пьер, первым поднявшись по широким ступенькам, и уткнувшись глазами в меню на стене при входе.

– А десерт? – спросила Полет, подошедшая к нему ближе.

– И десерт, и аперитив! – восхитился Пьер. Неплохо! Заглянем дальше? А?

– Мосье, мадам! Заходите, пожалуйста, пожалуйста. Вы наши первые посетители, – услышали они голос, вышедшего к ним из двери вагона мужчины с красивыми усами, одетого в форменную одежду железнодорожника.

– Почему же до сих пор пустой зал? – спросил Пьер, метрдотеля, стараясь разглядеть в окошко внутренности ресторана, и увидев там сквозь белые занавески, столики с белыми скатертями, стоящими у окошек. – Мы слышали у вас сегодня открытие. Неужели никто об этом не знает?

– Открытие завтра, – ответил, многозначительно подняв брови и опустив глаза, метрдотель. – Но, это не должно вас волновать. У нас все готово, потому что сегодня в зале будут только избранные. Генеральная репетиция, так сказать! Перед открытием! – он открыл пошире двери, и рукой пригласил путешественников войти. – Выбирайте себе лучшее место. Можете сесть в вагоне ресторане, можете пока что посидеть в привокзальном ресторане на перроне. Вам понравится везде. Меню у нас отличное, несколько видов вин в бочках, несколько сортов разливного пива и масса других напитков. К тому же, вас ожидает множество сюрпризов! – поднял брови и округлил загадочно глаза мосье.

– Сюрпризов?! Каких?! – заверещала Мадлен. – А у вас готовят «квис де грануй»?

– Безусловно! Мадам! – с готовностью воскликнул Метрдотель. – Горячие блюда готовятся по заказу посетителей, и к этому нет никаких ограничений! У нас работают лучшие повара, и закуплены прекрасные продукты. А насчет сюрпризов, это секрет! – загадочно улыбнулся метрдотель. – Я надеюсь, что сегодня будут исполнены все ваши желания, по крайней мере, самые заветные. Одно из них мы уже знаем! Лягушачьи ляжки в коричневом соусе!

Сказав это, метрдотель улыбнулся в свои усы, поправил пиджак на довольно упитанном животике, и плавно удалился вглубь помещения.

– Да здесь премило! – сказали все вместе, наконец, войдя в зал и оглядывая его содержимое.

– Я думал он гораздо меньше! – удивился Пьер. – По крайней мере, с улицы, ресторан не казался таким вместительным.

– Действительно, со стороны все смотрелось гораздо проще, а здесь! – повторили дамы, проходя в помещение, которое представляло собой огромный крытый вокзал, пространство которого под круглыми ажурными арками, было заполнено очень симпатичными столиками и на четверых, и на двоих, и на большую компанию. Пространство «вокзала» с двух сторон ограниченное небольшими железнодорожными составами в три вагона, имело выход на ту самую площадку с пальмами, и с противоположной стороны отгораживалось от подсобных помещений и главного входа зелеными занавесями. Зеленые абажуры ламп над столиками придавали всему залу очень спокойный и уютный вид. В их приглушенном свете поблескивали лакированные части стен и бордюров, разграничивающих пространство отдельных столиков, превращая их в купе.

– Как здорово задумано! – воскликнул Пьер, обратив внимание на огромное количество фотографий изображающих железнодорожную тему прошлого века в черно – белых тонах. Я никогда бы не подумал, что старинные фотографии дают такой эффект. Интересно, черт побери! – он положил на спинку стула свой свитер и уставился на изображения.

– Какие чудесные часы! – воскликнула Мадлен, увидев над столом с бочками вина старинный огромный циферблат – Без двадцати минут час! – прокомментировала она вслух, и устроилась за столиком ближе к стене.

– Мишель, посмотри, какая интересная картина, напротив, кажется, что этот паровоз сейчас придет к нашей платформе, и все эти нарисованные дамы, возьмут свои сумки и поспешат в вагон, – восхитилась Полет, подумав, что ей бы понравилось именно это место, рядом с картиной.

– О! А здесь места для желающих уединиться! – сказал Пьер, заглядывая в примыкающий к залу вагон ресторан, который полностью повторял облик настоящего вагона. Нужно будет иметь в виду на будущее, – подумал Пьер, вспомнив про Франсуазу, которой обязательно надо было показать такой чудесный ресторан.

Очередным восторгом для путешественников, стала игрушечная железная дорога, на потолке зала, вдоль которой, издавая гудки, по кругу катался паровоз с вагонами. При остановке из него выходили крошечные господа с саквояжами, коробками и чемоданами. Они перемещались по перрону, и потом снова заходили в вагон, чтобы выйти на следующей остановке. Это было очень забавно. Пассажиров было очень много, все они были одеты по-разному, и составляли разные группы. Вот родители с маленькой девочкой, вот худой и длинный кюре с черным саквояжем, а вот, бабулька с маленьким песиком. Множество мизерных людишек, у которых, казалось, были настоящие планы на поездку. Все они создавали суету, при посадке и посадке и казалось, что каждый раз это были другие куклы, потому что запомнить всех было невозможно.

– Наша компания специализируется на механических фигурах, – улыбаясь на восторги пришедших, сообщил метрдотель. По секрету скажу, что скоро вы увидите настоящий шедевр, относящийся к этой теме. Это будет превосходнее этой железнодорожной игрушки, – показал он на потолок. Наш хозяин уже много лет собирает механические фигуры со всего света. И я думаю его уникальная коллекция такая единственная в мире. Это без преувеличений. Больше я вам пока ничего не скажу, – поднял палец он.

– Господа, но я вижу, вы не решаетесь выбрать место, Я бы порекомендовал вам сесть вот здесь, – сказал метрдотель, показывая им в сторону столика напротив открытой части имитируемого вокзала, закрытого занавесками с эмблемой ресторана. Столик был удачно расположен, что позволяло видеть одновременно происходящее на веранде, и все что могло произойти в зале, в котором была намечена небольшая эстрада, и, вероятно, предполагался концерт.

– Какая прелесть, – обратилась Мишель к Полет и Мадлен, усаживаясь на кожаный диван. Как будто все на самом деле! Сейчас поезд издаст гудок, тронется, и мы уедем далеко-далеко.

– Да здесь мило, – кивнула Полет, пропуская Пьера к стене. Милый дизайн, приятный свет. Только странно, что еще никого нет, кроме нас. Время то уже приближается к двум!

– На сегодня, мы принимаем посетителей по специальным приглашениям. Начало в два. И вероятно все приглашенные уже близко. Для вас мы сделали исключение, и потому что вы первые посетители, и потому что шеф, позвонил нам, что он лично пригласил вас на открытие, – сказал, улыбнувшись, подошедший официант. Специальные места для особо почетных гостей, – угодливо поправил он приборы на столе и привел дизайн стола в безупречность.

– Да этот ресторан нам посоветовал... – Пьер замялся, поняв, что имени старика он не узнал, а сознаться в таком коротком с ним знакомстве, возможно, было бы некстати. Пьер предположил, что возможно тот старый мужчина и был самым шефом. Или это ошибка? – А каким образом вы нас узнали? – задал он вопрос, не закончив фразу. – Не дай Бог, нас с кем – то спутали, и будет очень неловко, если мы сейчас займем чье – то место, а потом придется его освободить? – подумал он.

– Очень просто! Мосье Полете сообщил нам номер вашей машины, и в системе наблюдения, мы быстро распознали этот номер на вашем автомобиле. Так что не беспокойтесь, мы не ошиблись и вы именно те самые приглашенные, – как будто читая мысли Пьера, ответил официант. – Изучайте меню, и чувствуйте себя как дома. Ваш визит только начинается, а впереди много интересного. Я уверен, минут через десять, здесь уже не будет свободных

мест, – сказал официант, предлагая путешественникам четыре книжки с меню. Возможно тому виной пробки на дорогах?

– Возможно, – подумали друзья.

– Так, посмотрим, что здесь предлагают, – пробормотал Пьер, изучая меню, которое касалось только горячих блюд, потому что остальное было выставлено на столах для свободного выбора. – Ага! Фарш из дикого оленя... пожалуй...

– Я в дамскую комнату, – сказала Мишель. Закажите мне что-нибудь из рыбы.

По дороге она сделала крюк и заглянула в окно, которое прозрачной стеной разделяло крытый вокзал и открытую террасу с пальмами. Приоткрыв стеклянную дверь и посмотрев наружу, она к своему удивлению, увидела не ту скучную картину, которую была при подъезде к ресторану. Внизу прогуливались дамы, одетые в платья конца девятнадцатого века и кавалеры в старомодных костюмах, шляпах и с тросточками. Вот подъехал автомобиль с тупым бампером, из которого вышли мужчины с саквояжами...

– А вот цветочницы с корзинами фиалок предлагают прохожим букетики! Сколько ларьков с лимонадом, пирожками и всякой мелкой снедью! И прохожие, просто так прогуливаются по площади, о чем-то беседуют, чем-то озабочены...

Мишель не увидела ни одного атрибута, который бы напоминал о том, что о это просто декорации и костюмы. Мало того, по улице и площади, проехала коляска запряженная лошадьми, везущая дам в огромных шляпах!

– Актеры! Наверное, здесь будет разыгран уличный спектакль об открытии железной дороги! Очень интересно, и так натурально, – восхитилась она, разглядывая эту сцену. – Не буду говорить остальным. Пусть будет сюрпризом, раз уж я увидела раньше времени, то пусть они также удивятся, потом.

– Господа, дирекция делает вам подарок, предлагая наш фирменный коктейль «Напиток мечты». Совершенно бесплатно! – официант, развернул перед гостями поднос с огромными бокалами и прозрачной емкостью, в которой на пример крюшона был налит многослойный напиток, на поверхности которого, плавали маленькие незнакомые цветы, распространяя волшебный аромат, пряный и какой-то даже загадочный. Сквозь полупрозрачную жидкость, зеленого, красного и фиолетового цвета, как бы прорастали извилистые тонкие веточки, на кончиках которых сверкал маленький фейерверк, рассыпаясь разноцветными брызгами. Большую емкость официант поставил посередине стола на серебряном подносе, на котором лежал такой же серебряный половник, и дополнил напиток огромными прозрачными шаровидными бокалами для каждого.

– Коктейль экзотический, приготовлен по рецептам одной восточной страны, пить его рекомендуется медленными глотками, сосредоточившись в это время на самом заветном желании, – сказал он, и по очереди поставил бокалы перед каждым гостем.

– О!!! – воскликнули все разом, поразившись красоте поданного напитка и улавливая волшебный его аромат.

– Что входит в этот коктейль? – спросил Пьер. Здесь совершенно незнакомые мне запахи.

– Наш хозяин долгое время жил в одной восточной стране, и изучил там местную кухню. К тому же нам поставляют совершенно экзотические фрукты, очень редкие, возможно, вы и не пробовали такие до сего дня их, если конечно вам самим не пришлось побывать в Бугане?! – утвердительно и вопросительно одновременно сказал официант. – Потом, пожалуйста, скажите нам свое мнение об этом напитке. Нам это очень важно!

Сказав это, официант удалился.

– Ну что?! За чудесный обед! И начало нашего путешествия. – поднял двумя руками круглый бокал Пьер.

– Если так пойдет, то путешествие будет гораздо удачнее, чем я думала, – сказала вернувшаяся к тому времени Мишель, поднимая бокал и удивляясь его разноцветному содержанию.

– За исполнение наших желаний, которые нам здесь обещали! – подняла бокал Мадлен, понюхав цветок, попавший в ее стеклянный шар.

– Присоединяюсь, – подняла бокал Полет. – Нет худа, без добра. Немного задержались в пути из-за этого сумасшедшего грузовика, зато встретили такого прекрасного мосье! Странный напиток, но пахнет приятно, даже не пойму чем!

– Экзотика! Тебе же сказали, фрукты из Бугана, это самая загадочная страна в Африке. Я читал раньше о ней, – сказал Пьер, смакуя вкус напитка. Теперь я понимаю, почему ресторан назван «У Крокодила». Крокодил, священное и самое главное животное в Бугане. Как в Индии корова. Они считают его магическим животным, и заодно повелителем царства мертвых.

– Про мертвых не надо, – перебила его Мадлен, не люблю. За здоровье! – она окунула в бокал свой острый носик и отпила глоток.

Через минуту, каждый выразил на своем лице восхищение.

– Сказка! – воскликнула Мишель. – И он такой крепкий, в голове у меня уже все поплыло! – она засмеялась, и отпила еще глоток. Такое чувство, как будто я плыву на карусели!

– Восхитительно, – поддакнул Пьер. – То, что надо. Усталость как рукой сняло.

– А ты не очень-то увлекайся! – строго сказала Полет Пьеру. – Тебе еще вести машину до отеля.

– Ладно, я чуть-чуть! – согласился Пьер. – Хотя теперь машину могла бы вести и ты. Напополам. До обеда я, после обеда ты!

В это время им показалось, что столик, за которым они сидели, немного дернулся. Потом раздался гудок паровоза и стук колес о рельсы.

Все оглянулись на метрдотеля, стоящего за стойкой в конце зала.

– Первый сюрприз! – махнул он им рукой. В нашем ресторане, вы испытаете, имитацию настоящей поездки. Ностальжи по девятнадцатому веку. Стук колес, паровозный гудок, ожидание чуда! Ведь дорога всегда ожидание чего – то нового, не правда ли? – ухмыльнулся он. Его голос раздался совсем рядом, хотя до метрдотеля было метров пятнадцать! – В путь, – поднял и он свой бокал.

– В путь! – воскликнули наши путешественники, уже не удивляющиеся ни чему, они приготовились провести здесь чудесный остаток дня. Ведь программа открытия ресторана предлагала плавный переход к ужину, перемежающийся другими сюрпризами. И она, эта программа, началась прекрасно.

– Ты не проводишь меня в дамскую комнату? – обратилась Мадлен к Полет.

– Пойдем, – согласилась та, – заодно посмотрим, какие закуски приготовлены для нас на столе. Они привстали из-за столика и заметили, что пока они были увлечены аперитивом, зал полностью заполнился народом.

– Надо же! – удивились они, как быстро пробежало время, а мы и не заметили.

Часы на стене показывали около двух, когда они удалились в конец зала.

– Дорогая, я не могу сидеть с тобой рядом и не целовать тебя, – прошептал Пьер Мишель, как только Полет и Мадлен удалились от стола.

Он сжал ее руку, и по лицу Мишель снова пробежалась краска. Она и сама была готова больше не выпускать его руку.

Пьер, посмотрев в сторону ушедших, и убедившись, что они уже ничего не видят, встал и подошел к Мишель, сидящей на другом конце стола. Он наклонился и поцеловал ее в губы, Мишель уже не смогла отстраниться. Он поцеловал ее еще и еще. Лакированная стенка отделяла их от лишних взглядов, они должны были оставаться одни, по расчетам Пьера, еще несколько секунд. Мишель отдернулась от его поцелуев, уловив голоса возвращавшихся Мадлен и Полет. Но красные щеки и распухшие губы выдавали ее.

– Что с тобой? – строго спросила Полет, увидев, растерянный вид Мишель, и Пьера стоявшего рядом с ней.

– Кусочек фруктов попал не в то горло, я закашлялась, – соврала Мишель, первое, что пришло ей в голову.

– Я хотел помочь, но, слава Богу, все обошлось, – безмятежным голосом ответил Пьер, легко постучав, Мишель по спине.

Полет села за стол, не сказав больше ни слова, и через минуту, ее вид не напоминал о недавнем допросе. Правда, Мишель показалось, что в душе у сестры творится что-то не хорошее.

– Могла она видеть или нет? – думала Мишель, осторожно оглядывая путь, откуда возвращались Мадлен и Полет. Угол лакированной стены скрывал их. – Зеркало! – похолодело в душе у Мишель. Она могла все видеть! Если ей не помешал тусклый свет.

Она еще раз оглянулась на сестру и не увидела ничего, что могло бы выдать ее гнев.

– Пронесло, – подумала Мишель, быстро взглянув на Пьера.

Тот сидел с невозмутимым видом. И она успокоилась тоже, дав себе клятву, что больше, никогда! А если Пьер повторит попытку, то она даст ему пощечину.

– Господа, наш поезд прибыл к первой остановке, нашего вечера – путешествия. Первая остановка нашего поезда прошлый век, сороковые годы, Франция!

– Да, да! Не удивляйтесь! Наш поезд совершает путешествие не только в пространстве, но и во времени! Так что желающих просим выйти на остановке и посетить первую достопримечательность нашей поездки музей механических фигур, – услышали они голос из репродуктора. – Музей находится налево от главного входа. В третьем железнодорожном составе. Дверь в музей прямо за зелеными занавесками. Осторожней в темном коридоре!

При этом Мишель показалось, что столик снова дернулся, как при остановке поезда.

– Как в мою молодость, – сказала Мадлен, увлеченная воспоминаниями, и нанизывая на вилку кусочек буженины. – Только репродуктор может издавать такие звуки. Как будто с тобой разговаривает родной голос. Я так к нему привыкла, и так жалела, когда репродукторы вытеснили приемники. У нас раньше в комнате висел такой же, ты помнишь Пьер? – спросила она сына, уйдя в воспоминания, о чем говорил ее взгляд, видящий чего-то, что не было видно окружающим.

– Конечно, круглый и черный, я помню, любил слушать по нему детские передачи. Сидел на коврике, собирал кубики и слушал, – сказал Пьер.

– А мне прямо вспомнилась вся моя жизнь. И запах дров в печке, и вы маленькие за столом, и мой Арманд. Ой, какие же мы были молодые. А прошло уже пятьдесят лет! – подсчитала Мадлен в голове прошедшие годы. И теперь я старая, а Арманд... Она вдруг прикрыла глаза и, нагнув голову, вытерла их, хлопнув носом.

– Мадлен! – сказала суровым голосом Полет. – Зачем плакать. Такова жизнь. Все пройдет, и мы уйдем, этого мы не пропустим. Так что не порть нам обед!

– Я, пожалуй, пойду, посмотрю комнату механических фигур. А вы здесь без меня побудьте. Вернусь уже без слез, – сказала виноватым голосом Мадлен. И встав со стула, вытянув шею, заглянула туда, где предполагался выход, ведущий в музей.

Глава третья

Мадлен и Арманд

Зеленые портьеры с кистями отделяли вход в музей от зала ресторана, где стоял их столик. Прочитав указатель, Мадлен, отодвинув рукой занавеску и, усмехнувшись на сказки репродуктора, который обещал перрон и остановку в середине двадцатого века, вошла в темный коридор, вдали которого виднелся свет, выходящий из полуоткрытой двери. Нетвердой походкой старого человека, держась за стену, она прошла на свет, уже не заботясь о том, как она смотрится со стороны. Пройдя три метра по темному коридору и споткнувшись о маленькую ступеньку, из-за разницы в освещении, она немного покачнулась и, взявшись руками за косяк двери, осторожно переступила маленький порожек.

– Пожалуй, присяду ненадолго, – подумала она, потирая ногу.

Впереди, перед ней был зал, уставленный разными фигурками механических игрушек. Они стояли на небольших постаментах прямо на полу или в отдельных кабинках. Рядом с каждой фигурой была встроенная кнопка, приводившая фигуру в движение. Мадлен, не зная, с какой фигуры ей начать осмотр, вдруг увидела уже включенную игрушку. Это была очень симпатичная деревенская сценка. В очаровательном хлеву стояла корова, чистенькая, с черными пятнами на белой атласной шкурке и жевала охапку сена, которая была перед ее мордой. Корова жевала сено, и отгоняла хвостом мух, которые тоже видно были задуманы для этой ситуации. Одна из назойливых, увернувшись от хвоста коровы, постоянно возвращалась на ее спину. Корова возмущенно мычала, раздосадованная этой надоедливой мухой, которая мешала ей полностью предаться наслаждению от душистого сена и присутствия хозяйки, которая облегчала ее вымя, и каждый раз оглядывалась на хозяйку, ища поддержки. Хозяйка в белом чепчике и платье с нижней юбкой и белым фартуком, похлопывала коровку по спине и продолжала доить ее.

Если бы, не размер игрушки, Мадлен приняла бы ее за живую, настолько много движений совершали фигуры, и, настолько точно, были они выполнены! Казалось, что глаза коровы, видят не только мух, но и посетителей зала, потому что они на минуту остановились на Мадлен, хозяйка, обернувшись тоже, и улыбнувшись ей, продолжила свое дело.

– Чудеса! – удивилась Мадлен, и совсем забыла о недавних своих слезах. Она подошла еще ближе, разглядывая и женщину и корову, удивляясь, как ловко она была сделана.

В отдельной кабине открылся малиновый занавес, и на сцене возник фокусник. Он сделал манипуляцию руками и, подмигнув Мадлен, ловко достал карты непонятно откуда, потом в его руках появился букет, а потом кролик! Его возможностям, казалось, не было предела, потому что фокусы продолжались. Мадлен нажала на кнопку, и занавес закрылся, дав отдохнуть артисту до следующего раза.

Балерина ловко крутила ножкой и выделявала всевозможные па. Потом красиво раскланивалась, приподнимая свою воздушную юбочку, и убегала за занавес.

Попугай сидел на ветке и выпрашивал яблоко, которое лежало рядом, но за клеткой.

– Патрик хочет яблоко! – сказал он, обратившись к подошедшей Мадлен, и повторил это снова, наклонясь, распушив свой хохолок, и перебирая ножками по палочке, на которой он сидел.

Не получив ничего, он посмотрел на Мадлен немного возмущенно, удивляясь ее непонятливости. Ведь нарезанное яблоко лежало вне доступа его клюва и лапок, а ей подать кусочек в клетку было очень просто!

Патрик снова повторил свою просьбу и снова прошелся по палочке. Наконец Мадлен догадалась и сунула ему в клюв ароматный кусочек, удивляясь, как игрушка сможет проглотить его.

Кусочек под радостный треск попугая исчез в его клюве, и глазки, попугая благодарно взглянув на Мадлен, снова протелепатировали о втором кусочке.

– Чудеса! – снова удивилась Мадлен.

Она, с удивлением, протянула ему еще кусочек, Патрик проглотил и его, требуя еще долю.

– Хватит! – сказала Мадлен, и возмущенно надула щеки, сказав уф, и птица, обидевшись, отвернулась к стенке, сказав напоследок, – «Какая черствость в людях!»

Мадлен махнула рукой, совершенно не испытывая угрызений совести, на которые намекал попугай, и пошла дальше. По ходу движения, фигуры становились крупнее, а сценки более сложными. Мадлен прошла мимо ресторана, довоенного Монмартра, в окна которого были видны четверо веселых мужчин, оживленно обсуждающих что-то за кружкой пива. Гитарист и аккордеонист подходили к столикам и наигрывали знакомую мелодию, а официант в белом фартуке нес поднос с блюдами. В следующей комнате, в своем помещении сидел сапожник. Во рту он держал гвоздик, и ловко стучал по каблучку, женского ботинка. Посмотрев на уже забитый, он вытаскивал новый гвоздь изо рта, и снова забивал его в ботинок. Сапожник был вполне симпатичным мужчиной лет сорока пяти. На голове его была надета старая шляпа, а в кармане черного фартука лежал сапожный инструмент. Рядом стояли коробки с гвоздями, и в очереди томились другие ботинки и сапожки. Над сапожником горела тусклая лампа, а в камине, который был в его каморке, горел огонь.

Мадлен остановилась перед сапожником, и тут уж она совсем решила, что ее разыгрывают. Сапожник, забив последний гвоздь, положил старый ботинок в коробку и взял другой, посмотрев его со всех сторон и, потрогав подметку, он снова взял в рот несколько гвоздиков и застучал по каблучку, не обращая внимания на Мадлен.

– Буду стоять столько, сколько он выдержит! – решила Мадлен, не увидев в сапожнике и намека на искусственное происхождение. – Это человек! Да он просто притворяется! – решила она и продолжила пристально смотреть, когда же он, сделает что-то, что разоблачит его.

Но сапожник упорно занимался своим делом, и лишь только мельком взглядывал на Мадлен.

– Ну и выдержка! – подумала Мадлен, так и не уловив промаха со стороны куклы. Ей надоело стоять, и она прошла в следующий зал, оглянувшись на секунду на сапожника, ей показалось, что в момент, когда он кидает ботинок в коробку, он махнул ей рукой...

– Что же в следующем зале? – подумала Мадлен, уже ждущая нового чуда. Потому что фигуры и декорации к ним, а также набор возможных их действий, каждый раз превосходил первый.

Она присела ненадолго на стул, и через минуту поднялась, чтобы войти в новое помещение.

Подойдя к следующей двери, она вдруг почувствовала запах весны. Он дохнул на нее, как будто мимо пронесся легкий майский ветерок. И правда, в следующем зале, она увидела улицу провинциального городка, залитую солнцем, с цветущими акациями, и зеленой травой на обочинах дороги. В голубом небе порхали легкие облачка, петушок на шпиле церкви, казалось, сейчас от радости забьет крыльями и прокукарекает на весь город, который он, конечно, видел с такой высоты.

– Боже, да это мой Домбаль! – подумала Мадлен, вглядываясь в знакомый городской пейзаж.

Мадлен восхищенно ахнула. Она увидела старую площадь своего родного города!

– Да вот и магазин мосье Франсуа. Вот парикмахерская, а вот кафе. А если идти по этой улице, то выйдешь к зданию мэрии, напротив которой стоит мой дом!

Мадлен вдруг ощутила сильное желание увидеть свой дом, и пробежаться по этим веселым весенним улицам городка, как это она делала в молодости. Она сделала шаг вперед, и странно, улица, которая казалось, имела ограничения в размере, раздвинулась, и она увидела перспективу, другой улицы. Только теперь вдали виднелась река с мостиком, в которой они с мамой стирали белье, и парк сзади нее. Это было совсем как шестьдесят лет назад, ведь теперь на этом месте вырос целый район из новых коттеджей, а раньше...

– Раньше мы шли по этой улице и попадали прямо к речке. А вон там, если пройти в переулок, то будет кино, а вон там, магазин тетушки Элиз...

Мадлен вдруг захотелось пройтись и по этой улице, и по той! Она не решалась, куда ей направиться сначала. Ей хотелось обежать весь город, и заглянуть во все уголки, в которых проходила ее жизнь!

Она вдруг испытала желание, побыстрее забежать в овощной магазин.

– Ну конечно, сегодня же день рождения отца, и я должна купить овощей, – вдруг радостно и немного недоумевая, что задание матери выпало из ее головы, вспомнила она. – Да вот и корзина, и кошелек с франками.

Мадлен поправила волосы, которые растрепались по плечам, повернулась разными сторонами к витрине кафе, и нашла, что выглядит она очень даже мило.

– Интересно, Арманд в магазине? – подумала она, направившись к овощной лавке, где хозяйкой была его мать.

Мадлен подошла ближе к окнам магазина и, с замиранием в сердце, заглянула внутрь. Там было темно, и она не сразу разглядела, что было за стеклами, но то, что там присутствовали люди, она поняла по размытым фигурам, которые перемещались.

Овощи на витрине лежали свежие, как будто их только сорвали. Ей показалось, что она даже слышит запах земли на корнях свеклы, и ощущает свежесть листьев салата, на которых бусинками лежат капли воды.

Дверь магазина открылась и оттуда вышли старенькие супруги, Пастек. Они вышли и медленно направились в сторону лавки обувщика. Мосье Пастек нес корзину с овощами, а мадам Пастек, уцепившись за его руку, шла рядом.

– Добрый день! – непроизвольно вырвалось у Мадлен, потому что она всегда здоровалась с супругами Пастек, ведь они жили недалеко от ее дома и частенько заходили к ее родителям, просто так обменяться новостями.

– Добрый день! Мадлен! – кивнули они ей, остановившись.

– В магазине сегодня прекрасный салат, – сказал мосье Пастек.

– Иди пока не разобрали лучшие кочаны. – шепнула ей мадам. – И Арманд там, он уж все глаза проглядел, как увидел, тебя в окошко. Хороший парень! Надеюсь, вы пригласите нас на свою свадьбу? – улыбнулась она.

Мадлен, покраснела и поправила волосы на голове, которые снова раздул ветерок, одернув юбочку, штапельного платья.

– Хороша, хороша, сказала мадам Пастек, а мосье Пастек, показал пальцем – во! И мигнул хитрым глазом.

Мадлен, помахала им рукой, и несмело шагнула к двери. Открыв тяжелую дверь, она увидела стоящую за прилавком мать Арманда.

– Мадлен! – сказала она. Все хорошо? Пришла купить овощей!

– Да, мама велела мне купить салата и огурцов. У нас сегодня день рождения отца, будут гости. Немного, но будет праздник.

– Вот как, – засмеялась Элиз, кладя в сумку Мадлен огурцы, и сверху огромный кочан салата. – А картошки и сельдерея вам не надо?

– Я не донесу, мадам Элиз, вообще-то я хотела придти еще раз.

– Пустяки. Мой Арманд поможет тебе, а картошку я дам твоему отцу в подарок. У него же день рождения, а мы с ним еще в гимназии вместе учились. Вот так, и когда-то он за мной ухаживал. Правда, это было давно! Потом вот променял меня на твою маму. Да я не обижаюсь. Мой Петер, тоже не плох, а в молодости кто не влюбляется?

– Вот мой Арманд, никак себе девушку не выберет. А влюбился бы в тебя, я бы была рада! – подмигнула она снова покрасневшей Мадлен.

– Арманд! – позвала она его. Ну-ка помоги девушке, донеси ей картошку и огурцы.

– С удовольствием, – весело сказал Арманд и, подхватив сумки, направился с ними к двери.

– До свидания мадам Бенуа, – помахала Мадлен, скрываясь за дверь, которую держал Арманд. Спасибо!

– До свидания дочка! Заходи еще! – махнула ей рукой Элиз.

Они вышли на улицу Генерала и направились в сторону школы. И тут Мадлен снова заметила, что конец улицы, нарисован. Декорации улицы и площади в перспективе превращались в рисунок, как в панораме музея.

– Арманд! – вырвалось у нее, но он не дал досказать ей свою мысль.

Поставив сумки, он весело улыбнулся ей. Потом поправил волосы и посмотрел вдоль улицы, ничуть не удивившись, как будто ничего странного там не было.

– Я так хочу тебя поцеловать, – сказал ей Арманд. Пойдем, дойдем вон до того переулка, там нас никто не увидит. Всего один разок, или я умру и не дожусь сегодняшних танцев.

Мадлен улыбнулась улыбкой шаловливого ребенка, понимающего свою ценность в сердце этого парня. Они быстро дошли до переулка, с узкой тропинкой между стенами огромных домов, Мадлен и самой не терпелось попасть в его объятия, хотя для вида она изобразила неуверенность и испуг. На середине прохода, Арманд поставил корзинки и, притянув к себе Мадлен, поцеловал ее длинным поцелуем, от которого по телу Мадлен прошел жар, она еще сильнее прижалась к Арманду и обняла его, зная, что этот поцелуй не последний. Боже да она улетала куда-то, она теряла счет времени, когда с ней рядом был Арманд. Она не хотела отрываться от него. Но было солнечное утро, и они в городе были не одни, а Арманд, казалось, уже совсем забыл о действительности.

– Все! Все! – сказала Мадлен, первая, испугавшись возможности появления прохожих, стараясь отстранить от себя Арманда.

– Чего ты боишься? – шептал Арманд, прижимая ее еще ближе и целуя ее шею, грудь...

– Все, все, все! – весело сказала Мадлен, наконец вырвавшись из его рук.

Она победно глянула в его веселые и одновременно расстроенные расставанием глаза. Все! – она подхватила корзину и побежала в конец прохода, за которым и был ее дом. Она знала, что Арманд стоит и смотрит ей вслед. Он не уйдет пока она совсем не скроется за калиткой.

– Приходи сюда, когда захочешь меня увидеть, – услышала она крик Арманда, который растаял где – то в темноте, которую она увидела, обернувшись на его голос. А вместе с этим, она вдруг ощутила себя снова той Мадлен, которой семьдесят пять! Она на всякий случай потрогала свои волосы и вместо длинных кудрявых волос, обнаружила короткую стрижку.

– А может быть, сон это моя старость и прожитая жизнь, а то, что было минуту назад и есть моя настоящая теперешняя жизнь? – подумала она.

Мадлен закрыла глаза, напряглась и постаралась снова проснуться в юности, в своем доме, где уже на кухне хлопочет мама, а бабушка готовит кофе и что-то весело рассказывает из прошлой жизни, где в окошко видна старая яблоня, а на стуле висит ее любимое, розовое платье....Но, сон про старость не кончался!

– Арманд! Арманд! – закричала она, но не вслух. Эти слова гремели у нее в душе.

– Зачем я убежала, зачем? Зачем я потеряла этот миг! Этот волшебный миг, который, вернул мне тебя!

Мадлен прислушалась, надеясь еще услышать его голос, ей это было необходимо! Сердце у нее разрывалось.

– Арманд вернись, я хочу быть с тобой, я не хочу возвращаться к этой жизни! Ты же был здесь, вернись снова, любой ценой! Пусть я умру, я хочу к тебе!

Она снова вытерла глаза, и, посмотрев впереди себя, увидела длинный коридор, в который пробивался свет зала начала осмотра механических фигур, и себя сидящую на стуле.

– Заснула! – подумала она с удивлением, уже совсем вернувшись к действительности. – Наверное, коктейль и сегодняшний отъезд. Устала! Не буду им говорить, а то опять смеяться будут. И не поймут! – с горечью подумала она.

Мадлен поднялась, стараясь вспомнить последние минуты, в которых она была совсем юная, а вокруг был май, беспечность и счастье. И сон, и явь теперь смешались у нее в одно общее, и разделить их она не смогла.

– Как на самом деле, и Арманд и город и Элиз! – растроганно подумала Мадлен. Она вздохнула пошла на свет и вышла в ресторан.

Глава четвертая

Мишель и Филипп

– Ну? Как там, интересно в музее? – спросил Пьер, увидев, возвращающуюся Мадлен. – Что ты там видела? – спросил он, увидев ее усталый вид.

– Да я расхотела его смотреть, – сказала Мадлен, сделав легкомысленное лицо и махнув рукой. – Так куклы, – она поправила очки и, молча, села за стол.

– Ничего себе расхотела! Ты была там минут тридцать, мы здесь без тебя уже успели посмотреть такое представление! Шлягеры сороковых. Выступала сама Эдит Пиаф. Смотри, она снова вышла на бис! Пьер вместе со всеми захлопал, появившейся на сцене певице.

На сцену под аплодисменты и, вдруг замерший зал, вышла Эдит. Молодая, худенькая в своем любимом темно – синем платье. Совсем как с кинокадров! Оркестр из аккордеона, фортепьяно, скрипки и контрабаса, ловко саккомпанировал ей, старую французскую песню «Моя любовь в мансарде».

Клавиши аккордеона порхали и переливались перламутром, и казалось, что сцена это улица Парижа, и сейчас, вон там за ее углом мелькнет Эйфелева башня, а за спиной актрисы, пройдутся пары, прогуливающиеся по Елисейским полям, проедут старенькие Пежо и маленькие автобусы.

– Бис, бис! – зааплодировали все, когда Эдит, закончив песню, раскланявшись, сказала всем, – аревуар! И под музыку аккордеонов удалилась со сцены.

– Эдит! Эдит! Аплодировали, сидящие за столом.

– Господа! Мы присоединяемся к вашему восторгу, возгласил высоким голосом верткий конферансье, появившийся вместо Эдит Пиаф на сцене, и сделавший знак рукой остановиться. – Но, будьте реальны. Мы такие не одни! Эдит оказала нам честь, уделив нашему поезду, свое внимание и, подарив нам сорок минут незабываемого полета в прошлое. Она нужна всем, так отпустим же ее дарить радость и другим людям, – поднял обе руки конферансье.

– Она сказала вам аревуар, – продолжал вдохновенно он, и ушла в вечность, в которой всегда будет жить ее талант, ваша любовь и эта прекрасная музыка!

Все захлопали еще раз.

Мадлен, хлопавшая сильнее всех, вдруг задумалась и, посмотрев на сидящих своими подслеповатыми глазами, сказала: – «Но ведь, Эдит умерла в шестидесятых. Ее нет!»

Последняя фраза прозвучала возмущенным петушиным криком.

– Мама, это же пародисты! – воскликнула Полет. Костюм, парик, пластинка, вот и все! Она кивнула головой остальным и те засмеялись на возмущение Мадлен.

– Я видела ее, и думаю, что так подражать оригиналу нельзя! – возразила Мадлен, подозрительно прищуриив глаза. На ней не было грима и парика!

– Мама ты устарела, сейчас можно все. Ты же видела по телевизору мадам Арно. Вспомни, как ловко она поет и за Матье и за Пиаф... И что ты могла видеть? Ты же сидишь далеко от сцены, без очков! – уговаривал ее Пьер.

– Вдаль я вижу хорошо! – не переставала препираться Мадлен.

– Мадлен, не надо сердиться. Вы просто очень устали в музее, – проговорила Мишель, и от этого раздражены.

– Да, да... – вдруг поникши, тихо сказала Мадлен, – я и правда очень устала, даже заснула там, на стуле, – она посмотрела на всех своим невинным взглядом, и тряхнув головой решила больше не поднимать эту тему. Потому что боялась снова вернуться в прошлое. Это было больно!

– Лучше бы и не видеть снова свою молодость, – вдруг решила она вздохнув. – Там хорошо, но забывать все снова, трудно!

– Концерт закончен, и пока поезд стоит в сороковых, нужно пойти посмотреть музей, – сказал Пьер, поддерживая тему предложенную программой вечера, и поднимаясь из-за стола. – Пора размяться, а то от коктейля и закусок, что – то затекли все ноги. Я уже так наелся, что второе блюдо в меня уже не влезет. Взбодримся перед горячим?! – оглянулся он на жену и Мишель.

– Так еще десерт. Прогуляйся получше! – съюморила Полет.

– Нет, кто-нибудь останьтесь со мной! – попросила Мадлен. У меня, что-то сердце схватило, мне одной страшновато будет.

– Мадлен, срочно достань медикаменты, – строго сказала Полет. – Сердце это не шутки. Если будет плохо и дальше, говори, мы сразу же вызовем врача.

– Да нет, не очень сильно. Просто видно переволновалась, вспомнив Арманда, – сказала Мадлен, опустив глаза.

– Ну, хорошо, Пьер пусть идет, а мы с Мишель останемся с тобой, – согласилась Полет, не очень то хотевшая бродить по залам, которые она видела сто раз в других городах, и не желавшая, чтобы Пьер уходил с Мишель.

– Ну, тогда мы пойдем в музей с Мишель, а ты посиди здесь с мамой, – сказал Пьер, беспечным голосом, приглашая, Мишель встать со стула. – Мадлен, как туда дойти?

– За занавеской темный коридор, иди через него в зал, где горит свет. Прямо, не ошибешься, – пояснила Мадлен.

Мишель вопросительно посмотрела на Полет, уловив в предложении сестры остаться с ней, продуманный наперед ход. Ей уже очень хотелось прогуляться, но она шестым чувством понимала, что делать это на пару с Пьером не стоит.

– Может быть, просто на воре горит шапка, и Полет ничего не вкладывает в эти слова? – подумала она. – Скорее всего, я сама побаиваюсь, что Пьер снова выкинет, что-то подобное его выходке в развалинах крепости. Снова полезет целоваться. Нет, нет мне это не нужно! Не расслабляйся, – сказала она сама себе. – А то, все это зайдет слишком далеко. Хватит с меня женатых любовников! Тем более, если его жена, это твоя сестра. Никогда! – снова поставила она точку.

Ей хотелось спокойствия на душе и совершенно не хотелось принимать игру, предложенную Пьером.

После слов мужа, в душе Полет возникло неясное беспокойство, но она подавила его.

– Идите, идите! – сказала Полет, не желая быть уличенной в ревности, и к кому?! К сестре! Нет, до такого унижения в ее глазах, она дойти не смогла. – Я пока покурю, а Мадлен немного посидит на открытой веранде, пусть подышит воздухом, это ей полезно, – сказала она, с как можно более равнодушным видом.

– О, я забыл. Пьер вернулся к Полет. – Дай мне евро десять, – попросил он. Вдруг там будут продаваться сувениры, тебе купить что-нибудь?

Полет, расстегнув кошелек, отсчитала ему десять евро, на всякий случай. Пьер поцеловал ее в щеку, отчего она успокоилась еще больше.

– Мерси, мой бандит, – поспешно сказал Пьер, и поспешил за Мишель, которая, уже скрылась за зеленой занавеской.

– Господи! – подумала Мишель, стоявшая уже у занавесок, глядя на эту сцену с выдачей денег. Она представила, как Пьер в конце прогулки отчитывается о потраченных двух с половиной евро на туалет или на музейный сувенир для нее, и ей стало смешно и противно.

– И он еще чего-то хочет. Сиди со своей Полет, и держись за ее юбку, – подумала она, зайдя за занавески.

Впереди был темный коридор, и Мишель, не желая провоцировать Пьера, который уж точно не упустит воспользоваться такой ситуацией, огляделась, и, увидев приоткрытую дверь слева, шмыгнула в нее, тут же закрыв ее поплотнее.

– Пусть пройдет первым, а я догоню его, – решила она, предполагая, что пройдет в зал механических фигур следом за ним, но, через пару минут. Она слышала, как Пьер зовет ее. Но, потом голос его стих, и Мишель решила, что он уже вошел в зал, и теперь ей опасаться его приставаний нечего. Она уже хотела вернуться в коридор, и догнать Пьера, но решила посмотреть, что там за поворотом. Куда же она зашла?

Зайдя в дверь, и завернув вдоль полукруглого коридорчика, освещенного свечами, она увидела указатель и надпись «Восемнадцатый век, замок Людовика».

– Это любопытно! – подумала она и вошла в очень красиво отделанное помещение, где все сверкало новизной дороговизной вкусом и изяществом. На стенах висели бронзовые подсвечники с горящими в них свечами. Люстра на потолке сверкала маленькими язычками пламени, потолок на котором плясали тени от огня, был украшен рисунком, сделанным рукой какого – то очень искусного художника. Тяжелые занавески висели на окнах, и сквозь них был виден прекрасный газон, с аллеями, уходящими от него вдаль парка. Старинные картины, изображающие жизнь греческих богов, висели на стенах. Мебель с изогнутыми ножками и бархатной обивкой дополняла убранство зала и подчеркивала его богатство и изысканность, а мраморные фигуры, старинные часы, и камин с горящими в нем дровами, придавал помещению обжитой и уютный вид.

В одном из углов зала сидел оркестр из восьми человек, и пока что молчал. Создавалось впечатление, что музыканты только ждут взмаха палочки, потому что дирижер в красивом атласном костюме, уже занес вверх руку. Мишель смотрела на эту картину зачарованным взглядом, и очень быстро услышала первые звуки музыки и увидела как в двери, распахнутые слугой, вошла, держась за руки пара молодых людей. Девушка и юноша. Они были в париках, и костюмах восемнадцатого века. Мужчина проводил даму к столику, где стояло два прибора и ваза с фруктами.

Подошедший слуга налил сидящим вина в бокалы, и принес на стол какие – то чудесно украшенные блюда. Мужчина и женщина принялись за ужин при свечах, и при этом они не делали ни одного лишнего или неловкого движения. Они поднимали металлические бокалы, глядя в глаза друг – другу, и изящно поглощали, подкладываемые слугой, кусочки. В конце ужина, оркестр заиграл минует, и молодые люди совершив, необходимые для этого начальные движения приветствия, при которых мужчина красиво выставил вперед ногу в обтянутом белом чулке и склонив голову, плавно простер вперед руку, как бы выражая почтение даме, а дама красиво присела сделав реверанс, и начали медленный и плавный танец. При этом они чувственно сближались и удалялись, друг от друга, потом снова брались за руки, совершали повороты и наклоны тела, как того требовал танец. Наконец музыка закончилась, молодой человек взял девушку за руку и также достойно и безмолвно удалился с ней из зала.

Мишель посмотрела на оркестр, он был в таком же положении, каким она увидела его в начале. Дирижер стоял с поднятой в руке дирижерской палочкой, а музыканты только ждали его взмаха.

Мишель смотрела на все это и не могла понять, как может дирижер так долго удерживать неудобное положение руки. И для чего? Фигура дирижера застыла и не шевелилась.

– Неужели это и есть куклы? Механические фигуры? – удивилась Мишель, на цыпочках подойдя ближе к оркестру, и крикнув им потихоньку, – Э – эй! Оркестранты не реагировали.

– Ну как вам эта сценка? – услышала она голос мужчины, который, вышел откуда – то сзади нее. Правда, мастерски сделаны эти механические фигуры?

Мишель, услышав голос, вздрогнула и повернулась на него. Она увидела очень приятного мужчину в зеленом свитере лет сорока пяти, который, смотрел на нее, улыбаясь очень приятной улыбкой, от которой у него на щеках появились ямочки, и страх Мишель и неловкость сразу прошли. Она смотрела на мужчину, удивлялась, насколько у него приятная внешность. Он не был худощав, но крепок. Его немного вьющиеся волосы были темными, а глаза голубыми! Весь вид мужчины выражал веселость, энергичность и доброжелательность.

– Мне показалось, что это живые люди, – удивленно ответила Мишель, потихоньку разглядывая мужчину, который после ее слов, изобразил ожидаемую радость.

Он хлопнул в ладоши, и весело сказал, – это и не мудрено, ведь эти фигуры делал сам знаменитый мастер Полете... К тому же, второй мастер, влил в них душу... Эти куклы входят в разряд экстра по своему устройству, и их трудно отличить от живых!

– Но, я все же сомневаюсь, – сказала Мишель, – потому что куклы есть куклы, у них обычно движения отличаются от человеческих отсутствием плавности, а в тех двух молодых людях я не заметила ни одной угловатой позы. Все было так красиво, как возможно, двигаются только артисты балета.

– Ну вот, видите, – все также, улыбаясь, продолжил мужчина. В том и отличие, кукол от людей, что все слишком, идеально. Люди имеют больше погрешностей, потому что их так долго не совершенствовал никто при их жизни. Совершенствование людей рассчитано на длительный срок, на тысячелетия, и естественно результат будет виден лишь на их потомках. Это совсем другая технология и другая задача. В случае с механическими фигурами, полагаться на саморазвитие и отбор нельзя. Потому что как вы понимаете, нам нужен ожидаемый результат при нашей жизни. При жизни мастера, который делает эти куклы. Потому что он сам ждать тысячелетия не может и не хочет. Филипп снова улыбнулся доброй улыбкой, с какой мать разговаривает со своим ребенком. – Ведь это новые экземпляры для нашего музея механических фигур.

Мишель отметила, что манера общаться у ее нового собеседника настолько обезоруживающая естественная, без капельки фальши, позирования и самолюбования, но, не смотря на простоту в общении, Мишель ощутила, что за ней что-то стоит. Какое – то скрытое превосходство и благородство.

– Хотите посмотреть эту сцену еще раз? – спросил мужчина, глядя ей прямо в глаза. Во второй раз вы, возможно, увидите некоторые погрешности, и это будет для меня очень полезно. Простите, я забыл представиться! Филипп, – слегка наклонил голову мужчина.

– Мишель, – ответила она.

– Мишель, – посмотрел на нее немного просительно Филипп сложив руки лодочкой на подбородке. Для обычных посетителей это запрещено, видеть кукол в стадии доработки, – сказал он. Наша задача скрыть имеющиеся недочеты до того, как мы представим кукол публике. Нужно создавать у публики иллюзию, что это живые существа, но только до определенного момента. Посетитель должен смотреть и не сомневаться, даже, чуть-чуть, и только тогда, когда это нужно мастеру, они получают каплю сомнений, вот тогда – то и рождается тайна, чудо, необъяснимое и непознанное. Одни верят, что кукла может быть одушевленной, другие отрицают это, рождаются споры, домыслы и поиск истины. Сейчас ведь модно изучать такой мир. Нестандартный мир, – загадочно повторил Филипп. Но, вам я приоткрою немного секрет нашего музея, тем более, что вы по моей вине увидели это сами. Я забыл закрыть дверь, – пояснил он. – А эта экспозиция только еще готовится к выставке в зале. Это очень дорогой экземпляр, и осталось лишь немного обыграть его и позаботиться о достаточности эмоций в составляющей этих характеров. Я надеюсь, вы меня не выдадите, и никому не расскажете, что видели здесь?!

– Конечно, конечно! – пообещала Мишель, хотя не совсем поняла витиеватый разговор Филиппа, но почувствовала интерес к его словам. Два раза он упомянул об одушевленности фигур. Она и сама почувствовала эту одушевленность. Слишком нежно смотрел юноша на девушку. Слишком страстно он прижимал ее к себе во время танца, давая ощутить свои чувства, и в то же время, не давая заподозрить, что он подчинил ее движения себе. – Это была очень тонкая грань, и румянец! На щеках девушки и юноши зажигался румянец, когда чувства перехлестывали их. Нет! Это были люди, фигуры так наполненными страстями и любовью быть не могли! – подумала она.

Между тем Филипп кивнул Мишель и подвел ее ближе к оркестру, который стоял все в той же позе, с поднятой дирижерской палочкой и готовностью начать играть.

– Видите кнопку. Если ее нажать, то сценка повторится, – сказал Филипп.

– Кого же изображают эти куклы? – спросила Мишель, – разглядывая оркестрантов.

– Да это сценка из жизни короля и его фаворитки. Они жили в восемнадцатом веке.

– Вы знаток истории? – спросила Мишель.

– Да, я консультировал художников, зная историю королевской семьи, и историю костюма. Я очень хорошо изучил эту эпоху. Самое интересное, что их потомки дожили до сегодняшних дней, немного хитровато улыбнулся Филипп. Им досталась счастливая сторона истории. Хотя, если брать весь этот промежуток времени до наших дней, то и трагедий было достаточно. Эту даму гильотинировали. Вот так!

Филипп нажал на кнопку, но из дверей никто не вышел, хотя мелодия оркестра зазвучала.

Мишель вопросительно глянула на Филиппа, – так значит, это все же были люди! – погрозила пальцем она.

– Нет, просто я хотел протанцевать этот танец вместе с вами, если вы не возражаете. Вы будете исполнять роль Шарлотты, – улыбнулся он. – Для точного создания движений кукол, нужно пропустить их ощущения и чувства через себя. Тогда в них не будет изъянов. Иногда не хватает всего лишь маленького поворота головы или, наоборот, отклонения от принятых правил, и тогда, все идет насмарку. Нужно чтобы чувства точно ложились на движения. Без малейшего пропуска. Это как звук и изображение на пленке. Это как движения губ певца, поющего под запись своей песни. Звук будет длиннее, движения укорочены и гармония потеряна, и тогда, фальшь видна невооруженным глазом. Я запишу гармонию чувств, которая родится у вас.

– Но, как можно записать чувства, они же не материальны в отличие от движений. Они в сердце в душе, ну я не знаю еще где... – возразила Мишель. Тем более как соединить и поселить это в механические фигуры? Фигура это предмет, а предметы не могут обладать чувствами.

– Вы ошибаетесь! – воскликнул Филипп. Каждая вещь, каждый предмет имеет свою душу и свои чувства, как и свою память. И этому существует множество доказательств! В детстве у вас была любимая игрушка, и вы чувствовали, как вам с ней тепло и приятно спать, – утвердительно сказал он. Вы думаете потому, что вы любили игрушку, за ее приятный для вас вид, за память, которая приятна уже потому, что выходит из детства? Не только!

Мишель сделала непонимающее лицо.

– Еще и потому, что и она вас любила! – закончил пример Филипп. – Вы теряли ключи, и находили их, когда уже отчаивались? Почему? Да потому что, их крик доходил до вашего сердца, и вы шли на него. Вы, бывает, не знаете, почему не любите какое – то место, какой – то дом и даже мебель, а ведь этому есть причина. Причиной тому волны, которые источают эти предметы, которые, возможно, не любят вас! Вещи думают, хранят информацию и, даже, говорят на своем языке. Нужно только уловить и суметь расшифровать колебания

волн жизни и мыслей предметов на уровень понятный и слышимый человеком. Если это постигнуто, то у мастера нет пределов его возможностей!

– Но, это фантастика! – воскликнула Мишель.

– Это целая наука! – возразил Филипп – И очень тонкое мастерство, которое вкладывает душу в кукол. Но, кроме таланта, мастерства и вдохновения, для этого нужно иметь образец чувств, матрица которых переносится сначала на прибор, а потом на предмет, на изготовленную форму куклы. В сущности, это так же, как написать портрет. Если есть оригинал, то будет и его портрет. И кстати, этот вид искусства, живопись, дает нам наглядный урок, вкладывание души в предмет. Ведь сначала это только краски и холст. А потом? Посмотрите в глаза Моны Лизы, по вам пробегают мурашки. Может ли случиться такое, от тюбика красок? От их смеси? Даже, от готового портрета, если картина не завершена полностью! Я, имею ввиду, не последний мазок, а последний вдох! А восковые фигуры!? Попробуйте побыть с ними ночью в их пространстве. Не тренированный человек, вряд ли, выдержит такое! И это уже не просто кусок воска! А еще раньше божки, карты, руны! Господи, да история вложения души в предметы или наоборот, прочтение их мыслей и душ, человек использует уже давным-давно!

– Но, мы пропустили весь танец! – воскликнул Филипп. Когда я говорю на эту тему, я увлекаюсь. Простите. Но, мне очень нужна ваша помощь. Мне нужно вложить в душу девушки больше чувственности, отличной от чувственности юноши. Сейчас они действуют одинаково. Потому что при их создании мне не хватало образца женских чувств. Я записал их не слишком чисто. Сейчас я это понял. Потанцуем, и я постараюсь уловить и записать эту волну точнее.

Филипп склонился перед ней в поклоне, и Мишель, никогда не танцевавшая старинных бальных танцев, вдруг вспомнила, то, что она видела раньше и сделала реверанс. Минут зазвучал волшебным звуком виолончели, и рука Мишель была в руке Филиппа, потом глаза Филиппа, смотрели в ее глаза, когда они приближались друг к другу в вальсе, и Мишель, не могла оторвать от них свой взгляд, забыв о стеснительности и неловкости, и тут она вдруг вспомнила свой сегодняшний сон. Ей показалось, что она видела в нем именно это лицо. Вернее, она ощутила там точно такие же чувств, какие были у нее сейчас, когда на нее смотрели такие же глаза, и их губы тянулись к поцелую. Это было блаженство! Это было то, о чем мечтало ее сердце. Это была любовь, от которой кровь быстрее бежит по жилам, на щеках вспыхивает румянец, а мысли теряют счет времени.

– Сколько я нахожусь здесь!? – спросила Мишель, когда очнулась от этой волшебной истомы.

– Я не засекал времени. Но сейчас около трех! – сказал Филипп, выключив какой-то прибор и взглянув на старинные часы.

– Три часа! – испугалась Мишель. Я уже так давно ушла от своих друзей? Мне нужно вернуться.

Она немного удивилась, что Филипп не возражал против этого и не предлагал ей остаться еще. Он даже не сказал ей до свидания, и не взглянул на нее, приоткрыв перед ней дверь.

Выйдя из комнаты, Мишель услышала поспешный щелчок замка. Кровь хлынула к ее лицу. Это было похоже на то, что ее присутствием тяготились, и, лишь, вежливость не давала выставить ее из комнаты раньше!? Она чувствовала себя использованной, а после этого потерявший интерес к своей особе.

– Растаяла, – засмеяла она сама себя. Уже и продолжения вечера ждала, и телефончик приготовила! Получай! Не нужно совать свой нос, куда не следует!

Полет, отпустив Пьера, и, успокоившись на некоторое время, оглянулась на занавесь, за которым тридцать минут назад скрылись оба.

– Чего-то они долго там ходят, – сказала Мадлен, увидев беспокойный взгляд Полет. И чего там смотреть, так куклы... А, да там такой длинный и темный коридор, – постаралась смягчить свой вопрос она. – Может они не могут найти выход? Да, что ты? – удивилась Мадлен, увидев, как Полет сорвалась со стула. Что они маленькие что ли! Сами выйдут...

Полет послушно села, и в это время из-за занавесок появилась Мишель. Она шла с явно растерянным лицом, выражение которого, она быстро постаралась изменить на спокойное. Она поправила прическу, и, улыбнувшись выведенной улыбкой сестре, села за стол. И как она не хотела этого делать, ее голова все же беспокойно обернулась в сторону двери, где она оставила Филиппа.

Сидящие за столом Мадлен и Полет переглянулись, и Мишель уловила на лице сестры затаенное беспокойство и вопрос.

– Где Пьер?! – спросила Полет, нервно вытаскивая из пачки сигарету, и чиркая зажигалкой. Она даже привстала из-за стола, и, переминаясь с ноги на ногу, повернулась в сторону зеленых занавесок, из-за которых через пару минут появился Пьер, застегивающий на ходу пуговицы рубашки, и стряхивая с костюма что – то.

Глава пятая

Приятная компания

Пьер, поспешивший вслед за Мишель, вдруг потерял ее из вида.

Темнота небольшого коридора, в который он погрузился, как только вошел в него, привела его в состояние охотника, или пещерного человека, который вот – вот схватит свою жертву и упьется своей победой. Он уже страстно желал похитить еще один ее поцелуй, ощущение от которого все еще жгло его душу. Игра была не закончена, а лишь начата. И он жаждал ее продолжения. Пьер стоял, прижавшись к стене, и думал, что Мишель сразу появится здесь, не увидев его в музее.

Не дождавшись, появления Мишель, он негромко позвал ее, но, не услышав в ответ ее голоса. Не понимая, куда она так быстро исчезла, он дернулся в сторону зала, который угадывался светящейся стрелкой и неоновой надписью «Зал механических фигур двадцать первый век» и, споткнувшись обо что – то, на секунду потерял равновесие. Он почувствовал не ясную боль в голове, потому что, удержавшись, стукнулся немного о стену. Потирая голову, он еще немного постоял в коридоре, уже представляя, как, услышав ее шаги, прикинется сильно травмированным. Мишель подойдет ближе погладит его шишку, и тогда... Мурашки прошли по его голове, от дальнейшей картины, которая пронеслась у него в мыслях. Он стоял и как затаившийся зверь ждал приближения ее шагов. Такой момент!

– А музей можно пробежать быстренько, и отговориться, что ничего особенного не было! – придумал он.

Предаваясь таким мыслям, Пьер вдруг ощутил необъяснимый страх, потому что под его ногами, начал прыгать пол, как если бы это был движущийся вагон. Он услышал стук колес, и даже почувствовал свежий ветер, который рождался от движения поезда и врывался в щели вагона. Он понял, что стоит в тамбуре и едет, потому что ноги его подпрыгивали при движении двух половинок тамбура.

– Но, такого не могло быть, ведь поезд был лишь в их воображении, это была игра, предложенная учредителями вечера! – судорожно думал он. – Хотя почему бы и нет? Для обмана посетителей, к выходу по рельсам подходит дежурный вагон, в котором меняются экспозиции, и рождается иллюзия выхода всегда в новый мир, и волшебное преобразование пространства и изменения времени. Да здорово! – подумал он. Этот вагон сороковые годы, следующий девяностые. Да какие хочешь! И для этого нужно только иметь несколько вагонов с нужными декорациями. Вот и все! Ну конечно, он же видел рельсы, которые были продолжением рельсов под вагоном рестораном. Все просто! Просто!? А куда же я качусь? – вдруг заволновался он. – Хорошо, если на ближайший путь. А если этот музей существует для серии таких ресторанов, то тогда он сейчас едет удивлять посетителей, где-нибудь в Шарлеруа! Вот тебе номер! Часа три в пути, а потом еще объяснения с женой! Они же панику поднимут, когда я не вернусь минут через тридцать!

Пьеру стало жутко от всей этой неопределенности. Его беспокойство и недоумение усилилось еще оттого, что как он ни звал Мишель, она не появилась. Он был один в темноте узкого пространства, да еще в непонятно куда ехавшем вагоне!

– Нет, нужно срочно искать выход! – решил он.

Пьер побежал назад, ударяясь в темноте о стены прохода, но, коридор, почему-то оказался длиннее чем, когда он шел по нему вперед. Темнота мешала найти ручку двери, и Пьер уже панически шарил по тыльной стенке коридора, не находя ни намека на дверь.

– Мишель! – снова крикнул он. Потом повторил это еще громче, уже не стесняясь своей беспомощности, потом он стал барабанить в стену, но все его попытки услышать и быть услышанным казались тщетными.

Оставалось вернуться к светлому пятну на выходе, это было хоть кое-что определенное, к тому же там могли оказаться служители музея или рабочие, которые ухаживают за фигурами, – эта мысль его порадовала, и он повернул и пошел на свет. К его облегчению, впереди оказался большой зал, размером с вагон, лишенный разделения на купе, в котором горели люстры, стояла мягкая мебель и в нишах стен стояли незамысловатые механические фигуры. Но, главное, там сидели, растерянно глядя на вошедшего, три молодые дамы!

Одна вытирала глаза платочком и все поглядывала вокруг. Другая прохаживалась по комнате, прислушиваясь к стуку колес, третья сидела, подперев голову руками. Мишель среди них не было

– Мосье, мы не можем найти выхода, – рванулись они к нему, какое счастье, что вы здесь, а то мы уже пали духом. Мы не можем выбраться отсюда! Задержались в залах музея и вот! Мы ничего не можем понять.

– Такое впечатление, что мы по-настоящему едем в поезде! – воскликнула, сокрушенно, рыженькая девушка. Мы – то думали, что музей продолжение здания ресторана...

– Я тоже, – вздохнув, сказал Пьер. Но, вы не волнуйтесь, не может быть, чтобы выхода не было. Он есть всегда, нужно только не волноваться. Нас схватят, и догадаются, что мы не успели выйти из прицепленного вагона – музея, дадут телефонограмму, и высадят в каком-нибудь удобном месте. Потом от силы двадцать минут езды и мы снова здесь – «У Крокодила», – успокоил он их.

– Но, что же нам делать сейчас? – воскликнула одна из них, и Пьер отметил, что она очень премиленькая. Лет тридцать, блондинка с голубыми глазами, с собранными в пушистый хвост волосами.

– А если без хвоста? Пьер представил женщину с рассыпанными кудрями по шелковой подушке, и ее атласный ночной костюм с короткой рубашечкой и трусиками минимального размера.

– О! – он почувствовал, как желания возникли в его теле. И от этого, страх от произошедшего улетучился. А появилась возможность прекрасно провести время в обществе этих трех красавиц!

– Да пусть подольше не вытаскивают его из этого прекрасного вагона! Всю жизнь держать не будут! – уже победно подумал он.

Пьер уже с воодушевлением оглядел девушек и отметил, что трио было как по заказу! Кроме блондинки здесь была черненькая, со смуглой кожей, шикарной грудью и соблазнительными бедрами и рыжая с длинными ногами, на суховатом теле, но глаза! Зеленые глаза и улыбка с оттенком очень даже сексуальным! Желания его выросли еще больше, он уже представил рядом с собой эту даму, которая выходит из ванны в расстегнутом халатике. Подходит к его постели и, скинув свой невесомый халатик, бросается на его тело.

– О! – вырвалось из его легких, и он постарался подавить, уж очень явственно проявляющиеся, свои желания.

Но мысль его продолжала работать дальше, потому что девушки стояли так близко, что он уже видел и форму груди смуглянки, которая была круглой и упругой. И нежные ручки блондинки. Ее белоснежную шейку и очаровательные ножки, которые очень мило стояли на высоких каблучках и вырастали из – под короткой джинсовой юбочки, чрезвычайно маленького размера.

– Да она вся уместится в моей ладони, подумал Пьер, уже раздев и ее глазами.

Он уловил запах духов рыжеволосой, и умилился на ее вздернутый носик, но успел отметить и милую ямочку на щеке, смуглянки.

– Да мне повезло! Часок прокатиться в уединении с такими женщинами! – возликовал Пьер, забыв обо всем. В душе у него сделалось радостно тревожно, как в момент, когда

находишь кучу денег на дороге, куда вот-вот придут и другие прохожие, а ты не успеешь положить находку в свой карман.

– И так, сначала посмотрим, что мы имеем, – сделал серьезно – успокаивающее лицо Пьер. – Я так понимаю, что выхода здесь вы не нашли. Но хоть что – то обнаружили, что поможет нам скоротать время? – весело спросил он, потрепав по волосам рыжеволосую, и погладив по плечу смуглянку. Он поднял подбородок блондинки и нежно стукнул ее по кончику носика.

– Я с вами, нас четверо, а вчетвером мы не пропадем! – вошел в раж Пьер.

– В дальней комнате есть зал с имитацией Монмартра и рестораном на нем. Называется «Д'Артаньян»! Мы можем пройти туда, потому что там все как в жизни и столики, и повар, и настоящие продукты. Мы, даже, удивились, что так здорово разыграно действие. Там жарится настоящий окорок, полно овощей и фруктов и главное полный бар всяких напитков! – воскликнула блондинка.

– Там еще и музыка. Нажимаешь на кнопку и ритмы Парижа! Азнавур, Дассен, Патриция Касс, Сардо! Великолепно! – сообщила смуглянка.

– Так нам есть что выпить и съесть! – обрадовался Пьер. Значит, с голоду мы не умрем. Тогда пусть это будет нашим маленьким приключением. С кем еще случались такие?! Главное, что ругать нас не за что, мы просто попали в ловушку из-за нерадивости устроителей этого праздника. Мы не причем!

– А кто должен ругать вас? – спросила блондинка.

– Я здесь с женой, ее сестрой и своей матерью. Мы вчетвером совершаем прогулку по северу Франции и Бельгии. Они конечно не довольны, тем, что я отсутствую, и, конечно же, волнуются. Но вы, вас кто-нибудь тоже ждет в ресторане? – спросил Пьер.

– Нет, мы путешествуем одни, – сказала смуглянка. Мы решили провести сегодня день рождения втроем, без родственников.

– А кавалеры? Неужели у таких красавиц нет кавалеров, как же они могли отпустить вас в такой день одних?! – воскликнул лицемерно Пьер, радуясь в душе, что сердца дев свободны, и конкурентов, а тем более их возмущенных действий, в данный момент не предвидится.

– Они променяли нас на мужскую компанию, в свой день рождения. И в отместку им, мы сделали также! – воскликнула блондинка, положив свою очаровательную ножку на колено, при этом юбочка поползла вверх, и глаза Пьера жадно устремились дальше по ее движению, но ничего большего, чем предоставила взгляду его хозяйка, Пьер больше не увидел. Он постарался оторвать свой взгляд и долго не задерживаться на ножках блондинки, чтобы это не бросилось в глаза двум другим дамам. К тому же он не хотел, чтобы они решили, что у него проснулся интерес к одной из них.

– Нет! Совершенно нет! Он хотел их троих! И не хотел делать исключение, в пользу одной. По правде говоря, он и не смог бы этого сделать, потому что хотел объять необъятное, и себе был не враг! – Неужели сбылась мечта? – подумал он, в голове перебирая все уловки, которыми бы он смог завлечь в свои действия подружек, и уже даже пожалел о том, что разговор вышел на ресторан на Монмартре, потому что эта комната с мягкой мебелью и мягкими коврами, располагала к большему из его желаний.

– Какой окорок! До еды ли?! Выпить, конечно, не помешает...

– Да у вас вся спина в чем-то белом! – воскликнула смуглянка, подойдя к нему и приглядываясь к испачканному месту.

– Где? – удивился Пьер. – А, наверное, это я пока искал дверь, измазался обо что-то в коридоре! – выразил он догадку, стараясь стряхнуть невидимую пыль.

– Вот здесь, и вот здесь, – смуглянка подошла еще ближе к его спине и стала отряхивать его костюм. При этом ему показалось, что ее ручки были очень нежные и успевали при

обследовании мест побелки, погладить его шею, а грудь красавицы, прикасалась к его телу и оставалась с ним дольше, чем того следовало. И о, боже, – Пьер с испугом, что выдумывает не совершаемые поступки, поглядел на руки второй девушки, он увидел, что они и вправду перешли на заботу о чистоте его брюк спереди. Они упорно, водили по тому месту, которое уже и без того могло и само стряхнуть пыль с брюк, так его трясло от этой процедуры.

Пьер снова испуганно подавил возникшую дрожь страсти, не желая обидеть девушек и неблагодарно отстраниться от их заботы. Это было бы не вежливо!

– Рано! Рано! – говорил он сам себе, уже обнимая и целуя в плане благодарности рыженькую и черненькую, которые, наконец-то, казалось, были удовлетворены своими стараниями.

– Вот и Монмартр! – сказала блондинка, показывая рукой в сторону входа в ресторан «Д, Артаньян».

Кукла-официант, вышедший из дверей, услужливо пригласил пришедших в зал, и остановился около входа.

– Вероятно, кнопка его действий нажималась где – то на полу, или управление куклой было через фотоэлемент? – подумал Пьер, оценив мастерство, с каким была изготовлена кукла. Ресторан, полностью повторяющий интерьер знаменитого ресторана Парижа, в котором Пьер бывал не один раз, полностью дублировал оригинал. Он был пуст, но за стойкой стоял бармен. Рыженькая хотела нажать кнопку, чтобы бармен сыграл свою роль, но черненькая сказала, – а зачем? Мы здесь как хозяева, на необитаемом ресторане. Будем пить шампанское! Согласны?

Пьер, уже с азартом, нес к столику две бутылки, и вслед за ним шла блондиночка с фужерами для шампанского.

Рыженькая включала аппарат с музыкой, а черненькая накладывала в тарелки фрукты и небольшие закуски. Восторг предстоящего праздника уединения, охватил всех.

Брызги полетели во все стороны, и бокалы наполнились игристым напитком.

– Ура, слава богу, что не бутафория! – воскликнули все вместе.

– За знакомство! – воскликнули девушки, по очереди целуя Пьера в щеки и представляясь по имени.

– За знакомство мои красавицы, – лепетал разомлевший Пьер, отдавая в обмен свои поцелуи с лихвой.

– Падал снег, – Азнавур запел своим проникновенным голосом.

– Кого же выбрать первой? – думал Пьер, желая скорее слиться в танце, хотя бы с одной. Начну с малышки, блондиночки, – подумал он, допивая бокал с шампанским, тем более, что она сегодня именинница.

Музыка лилась, а нежная головка блондинки лежала у него на плече. При повороте в танце в сторону стола, Пьер ловил на себе притягивающий взгляд рыженькой, и воздушный поцелуй смуглянки.

– Девочки, я обожаю вас! Вы не обижаетесь, что я не могу пригласить вас всех сразу?! – воскликнул Пьер, подводя к столу блондинку, и беря за руку, уже ждущую его приглашения брюнетку.

– Будем чередоваться по росту, – сказала рыжая. Смуглянка была среднего роста, и она была второй.

– Боже! В душе и в костюме Пьера все бушевало, потому что тело смуглянки было такое соблазнительное, и Пьер не мог удержаться, чтоб не облапить всю ее спину и, невзначай, соскользнуть ниже, и поддержаться ненароком за круглую упругую попку. Конечно, когда

он танцевал спиной к столу. Возвращаясь лицом к оставшимся девушкам, он улыбался им томной улыбкой, и таял, таяял...

Рыжая, смотрела на него свысока и источала такие флюиды, что Пьер еле дождался конца танца, чтобы не утащить ее в сторону темного занавеса.

– А давайте танцевать все вместе, – воскликнула блондинка.

– Точно! – воскликнули остальные.

Они сплелись руками, встав в круг, и под музыку, завиляли бедрами. Потом поменялись местами, по ходу погладив Пьера по лицу, и предоставив право третьей, потанцевать в круге, прижавшись спиной к нему.

– О! – Пьер уже не смог играть роль спокойного и безразличного мужчины, он закрыл глаза и понял, что сейчас он опозорится и получит удовольствие, которое он, как ни старался спрятать подальше, но уже не в силах был его сдерживать.

– Если бы не эти излишества! Коктейль, вино, шампанское, перебор! – Пьер почувствовал, что у него в голове, что-то сильно закрутилось. Комната поплыла, и он, на минуту закрыв глаза, покачнулся.

– Ой! – мы его закружили! – засмеялись девушки. – На диван! На диван! На диванчик!

Они потащили полуживого Пьера на диван и, уложив его, стали расстегивать ему рубашку. Пьер боролся между потерей сознания от смешения напитков и от того экстаза, в который он входил при их прикосновениях. Три мадам, крутились вокруг него, осыпая разными милыми словечками и поцелуйчиками. Гладили его, то по головке, то по щекам, то по груди, вытаскивая рубашку из брюк, чтобы Пьеру, было вольготнее дышать... Их было много, а он один! И девушки, в желании помочь ему, можно сказать, боролись за место подле него, и, как будто, соревновались в качестве предоставляемых ему забот, нежностей и ласк.

– Дай я ему положу на голову мокрое полотенце, – говорила одна, она заботливо остужала Пьеру лоб, при этом грудь ее прижималась на минуту к его груди. Не успевал Пьер подосадовать, что грудь ускользнула на самом интересном месте, как вторая, подойдя к нему с другой стороны, склонилась к нему, щекоча его лицо своими кудряшками, а губы... они были так рядом, и они прикасались к нему, даря многочисленные поцелуи, покрывающие его лицо, глаза, щеки! Третья, не удержавшись при доступе к его телу, совершенно случайно упала прямо на него. Она засмеялась и, прижавшись к нему всеми своими соблазнительными частями, сказала, что теперь он должен очнуться, если, конечно, он мужчина! От этого утонченного издевательства, Пьеру стало еще хуже. Он боялся опозориться еще раз, потому что экстаз его снова дошел до точки. Он с лихвой вбирал в себя возбуждающие флюиды трех девушек, не предпринимая при этом, вернее, не имея возможности предпринять ничего!!!

– Это кошмар! – только успел подумать Пьер.

Хотя это было похоже на фильмы, в которых герой лежал на кровати со скованными руками, а голая мадам в черных чулках и едава видных, ниточек трусиков, расхаживала возле него с плеткой... или рядом происходит сцена сладострастия, а герой сидит в клетке и через нее смотрит на все это. А ведь он не каменный!

Как ему нравилось, втихомолку от Полет, когда она с книгой ложилась на дневной отдых в своей комнате, посмотреть такой фильм! Как он завидовал герою, желая оказаться на его месте, чтобы почувствовать то же нетерпение, завестись, а потом получить свободу и возможность проявить себя! Теперь, он почти что, сам в наручниках, хочет, но не может, а рядом глумятся красотки.

– О!!!! – снова вырвалось из легких Пьера

– Что это? – Пьер почувствовал, что глаза его закрыты, и кто-то бьет его по щекам! Он уже приготовился оправдаться перед девчонками, и судорожно думал, как он выглядел во время провала, но услышал совершенно незнакомый и неожиданный голос.

– Мосье вам не хорошо? – услышал он мужской баритон и получил еще одну оплеуху.

Пьер ошалело посмотрел вокруг. Он лежал на диване, но рядом не было никого. Лишь только зал музея и механические куклы. Рыженькая, черненькая и блондиночка. В рост человека, они стояли, взявшись за руки, в нише стены и улыбались ему призывно.

– Все в порядке? – снова услышал он голос метрдотеля. Простите, у нас небольшая авария, отключился свет в переходе к музею. Надеюсь, что мосье пострадал не очень? – участливо спросил он, видя растерянное лицо Пьера и его потирание головы. – Вот и дали свет! – обрадовался он.

– Мосье, – метрдотель снова позвал его, когда Пьер, встав с дивана, уже собрался выйти в светлый коридор, соединяющий музей с рестораном. – Вот вам платок, у вас на шее помада, – ухмыльнулся он. И позвольте, я стряхну с вас вот этот волосок. Он снял с него длинный рыжий волос, и снова сально ухмыльнувшись, сдул его со своих рук.

Пьер, обалдело посмотрел на метрдотеля, и начал отряхиваться, и приглаживаться, стараясь внести в свое поле зрения, возможные свои промахи. Ему показалось, что на кожаном диванчике в углу, лежали бутылки с шампанским...

– Да, да. Понимаю,.. – снова, закатив глаза, сказал мужчина. Небольшие неприятности. Мосье не рассчитал, – сказал он, показывая на выход. От этих женщин можно ждать всего чего угодно. Но кто ж от них откажется! Заправьте рубашку, – успел крикнуть он ему вслед.

Пьер, не желая больше слышать намеки мосье, вышел в зал ресторана.

– Вот и Пьер! – воскликнула Мадлен. Чегой-то он такой растерзанный! – возмутилась она. Стыд, какой!

Полет, не выдержав нервного напряжения, закурила сигарету, и ожидая подхода Пьера, глянула на сестру.

– Ты чего так светишься? – подозрительно спросила Полет.

– Я, наверное, влюбилась, боюсь взглянуть, так это все было прекрасно, – прошептала Мишель, желающая переключить настроение сестры.

– В кого ты успела влюбиться, вы же все это время были с Пьером! – прошипела сестра, снова заподозрившая неладное.

– Да нет, мы разминулись. Пьер здесь ни при чем! – сказала победно Мишель, взглянув на сестру и на Пьера, который старался придать себе беззаботный вид, и усиленно запихивал пуговички рубашки в маленькие щели застежки..

– Глупая, – подумала она. Она думает, что лучше Пьера нет. Есть! Но, я ничего вам не расскажу. Слава Богу, что мы с ним разминулись.

Мишель подавила в себе счастливый вздох, и решила, что будет вспоминать все, что с ней произошло, когда будет одна наедине со своими мыслями. И возможно все не так страшно, и Филипп еще проявится. Мало ли почему все так произошло. А может быть, это он слегка обиделся на ее поспешное заявление, что ей надо идти!?

Глава шестая

Приз

Четверо путешественников сидели рядом, за одним столом, но каждый из них здесь отсутствовал, потому что думал о своем. Мысли их летали где – то далеко от этого места, а глаза не видели ничего вокруг, потому – что смотрели внутрь себя, на то, что волновало только их, и сейчас. И, над столом воцарило молчание.

Если бы кто-то со стороны посмотрел на их лица, то увидел, что в глубине у каждого проходит целый оркестр чувств.

У Мишель лицо выражало мечтательную отрешенность. Глаза ее были уставлены в одну точку, а на лице блуждала благодатная улыбка.

Она вспоминала Филиппа, его прикосновения, его взгляд. Она снова и снова ощущала все те чувства, которые возникли между ними, и все это было настолько ярко, что она уже не могла не ждать продолжения знакомства. Она хотела, она мечтала, она жаждала. И поэтому, искала оправдания своему маленькому недовольству, маленькому несоответствию, которое появилось в тот момент, когда ей пришлось уйти.

Она уже хотела поцеловать его на прощание, так, чмокнуть в щечку, потому что ей показалось, что после этого танца, они стали чуть ближе, чем просто посетитель музея и его работник.

– Но, он, почему – то не проявил такого порыва. Он просто закрыл дверь. Но, для этого могло быть множество причин. Мишель чувствовала, что это было не пренебрежение. Такое с Филиппом, который ей показался таким тонким, таким открытым и сентиментальным?!

Полет, нахмутив брови, курила, постукивая сигаретой о пепельницу, и двигая ее пальцем то туда, то сюда по поверхности стола. Казалось, что она сейчас решает какую – то задачку, продумывая различные ходы, и, прощелкивая в уме, только ей понятные вычисления, и все же не могла соединить воедино все события, которые вывели ее из себя.

Первое, она не могла понять, откуда у нее взялся такой приступ ревности. Она уже давно не обращала внимания на маленькие интрижки Пьера. Тем более, она знала сестру, и знала, что нужно ей. И, уж конечно, не этот тряпка, ее муж.

Но, с другой стороны, это замешательство Мишель, когда они с Мадлен возвращались из дамской комнаты. И эти бесконечные комплименты, которые Пьер расточал Мишель, и эта прогулка перед сном, в последний день перед отъездом.

– Ушли за занавеску они вдвоем, так почему Пьер там оказался один? – думала она, – да еще в таком виде. А она, аж, вся в тумане, ничего не слышит и ничего не понимает, а?! Вся красная! И, почему они вернулись по одному? Нет здесь что-то не так. Неужели этот предатель, уже совсем потерял совесть!? Мало ему интрижек на стороне, так решил опозорить меня перед сестрой?! Хотя, и она хороша. Если бы, ей не нравилось, то, наверное, бы, она пожаловалась мне. Значит, они заодно! – думала Полет. – Нужно сходить и посмотреть, что там за занавесками, и что там за темный коридор. Если я найду их местечко!!!

Полет опять уловила себя на том, что в ней бушует злость, обида и ревность. Ей необходимо было успокоиться. А это можно было сделать, если она увидит там вторую дверь и посмотрит, что за ней.

Пьер, откинувшись на стул, загадочно улыбался, и на лице его время от времени поднимались вопросительно брови, которые опускались, придавая его лицу, снова задумчивое выражение под отстукивание пальцами какой-то мелодии. Это была песня Азнавура. Он вдруг краснел и тут же менял положение на стуле, что не мешало ему предаваться все тем же мыслям. Он ерзал, вспоминая духи и талию, рыженькой, нежные глазки блондинок, и огонь, исходивший от брюнетки. Мысли его неслись по кругу, как на карусели. От рыжей – к блондинке, от блондинки – к брюнетке, и снова...

Одна Мадлен сидела виноватая, и испуганно посматривала на всех.

– Господи, я чуть не натворила неприятностей, – подумала Мадлен, глядя на злое лицо Полет, курившую нервно сигарету, на растрепанный вид своего сына и на светящееся счастьем лицо Мишель вернувшихся за стол, после того, как за ними уже хотела отправиться Полет.

– Пусть сами разбираются, это их дело, я больше ни слова! А Полет, Господи, я и не знала что она такая ревнивая. Всего-то и сказала вслух, – чегой-то они так долго не идут? Ну, не идут и не идут! Чего она так взбесилась? Сорвалась, побежала... – Мадлен втянула голову в шею, переживая за свои легкомысленные слова, и уже желающая, скорее закончить поездку и отправиться домой. Она не любила скандалы. А, самое страшное, она боялась быть виноватой...

– И что они и правда там делали? – вдруг подумала она себе в оправдание, вспоминая, как Пьер поглядывал на Мишель, когда этого не видела Полет, и как скрывала Мишель свои губы, когда они с Полет вернулись из дамской комнаты. Пошли в музей, так смотрите на экспонаты! – возмутилась она в душе. Бесстыдники!

– Голова все болит? – спросила она Пьера, первой нарушив молчание. И ты что так и не дошел до музея? Все лежал там, в коридоре? – голос ее перешел на слабый петушинный крик. Господи, какой кошмар. Это как же ты споткнуться мог? Я же тебе говорила, там темный коридор, иди на свет. А где же была Мишель? – спросила Мадлен, все-таки запутавшаяся в произошедшем. – Почему она нас не позвала?

– Я зашла в другую дверь, а Пьер, вероятно, пошел в музей, – охотно объяснила Мишель.

– В дверь?! В какую такую дверь? – снова закукарекала Мадлен. И что там было? – недоверчиво возмущенно спросила она. – Там же, кроме музея, ничего больше нет! Длинный коридор и вход в зал! – продолжала она, стараясь добиться ясности.

– Нет там никакого музея. Он был в прицепном вагоне, и уже давно уехал... – сказал неопределенно Пьер, и осекся, увидев настороженный взгляд, сидящих за столом, и в первую очередь Полет.

– Нет, что-то мне это все не нравится, – подумала Полет, взглянув на мужа. Чего он полез выручать ее. Куда-то уехал вагон! Какой вагон!? Заврался! – Спокойно Полет, спокойно! – уговаривала она сама себя.

– И, правда, мои слова были похожи на бред, – подумал Пьер, и сам не понимая смысла того, что он сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.